

**ВТОРАЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКОВ БУДДИЙСКИХ ТЕКСТОВ
«К РУССКОЯЗЫЧНОМУ БУДДИЙСКОМУ КАНОНУ»**

4–6 ДЕКАБРЯ 2020 г.

МОСКВА

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Фонд содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма «Сохраним Тибет» (Москва)

Центр тибетской культуры и информации (Москва)

Институт востоковедения РАН (Москва)

Институт философии РАН (Москва)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ ПРОЕКТА «К РУССКОЯЗЫЧНОМУ БУДДИЙСКОМУ КАНОНУ»:

Проф. В. П. Андросов (д. и. н., директор Института востоковедения РАН с 2015 по 2020 г.).

Проф. В. Г. Лысенко (д. ф. н., руководитель сектора восточных философий Института философии РАН).

Р. Н. Крапивина (к. и. н., старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН).

Председатель оргкомитета – Тэло Тулку Ринпоче (почетный представитель Его Святейшества Далай-ламы в РФ, СНГ и Монголии, верховный лама Калмыкии, духовный руководитель фонда «Сохраним Тибет»).

Сопредседатели оргкомитета – А. А. Терентьев (к. и. н., главный редактор издательства «Нартанг»).

Ю. С. Жиронкина (директор фонда «Сохраним Тибет», редактор серии «Наланда»).

Секретари оргкомитета – Н. Г. Иноземцева (заместитель директора фонда «Сохраним Тибет»), И. А. Балтырева (фонд «Сохраним Тибет»).

ФОРМАТ ПРОВЕДЕНИЯ:

Онлайн

СОДЕРЖАНИЕ

Программа конференции..... 5

Тезисы докладов, предоставленные выступающими (печатаются в авторской редакции)

<i>Бузятков Е. И.</i> , главный редактор русскоязычной секции сайта StudyBuddhism.com (Москва). Организация работы: взаимодействие между редактором, переводчиком и корректором.	11
<i>Воронина Д. К.</i> , конференц-переводчик. Трудности перевода: о некоторых важных терминах тибетского буддизма.	15
<i>Григорьев И. В.</i> , к. б. н., сотрудник Исполнительного комитета СНГ. О некоторых аспектах связи переводов буддийских текстов с актуальными темами современной науки.	16
<i>Елинский М. В.</i> , к. ф. н., фонд «Сохраним Тибет» (Санкт-Петербург). Буддийская наука для современного читателя.	17
<i>Загуменнов Б. И.</i> , к. ф. н. (Санкт-Петербург). Абсолют и иллюзия.	20
<i>Кожевникова М. Н.</i> , к. ф. н., переводчик с английского и тибетского (Санкт-Петербург). Проблемное поле терминов тиб.: dzin pa; bzung ba.	21
<i>Коробов В. Б.</i> , д-р философии, Институт восточных и транскультурных исследований при философском факультете Вильнюсского университета (Вильнюс). О месте несоставных (необусловленных) дхарм (asaṃskṛta, 'dus ma byas) в событийной структуре мира.	22
<i>Крапивина Р. Н.</i> , к. и. н., с. н. с. ИВР РАН (Санкт-Петербург). Тибетская религиозная культура: традиция тантр.	23
<i>Куваев С. Ю.</i> , переводчик с монгольского, тибетского, английского языков; координатор учебной группы ФПМТ «Лама Цонкапа» (Свердловская обл.). Проблемы перевода тибетских ритуальных ритмизованных текстов на примере садханы практики чод «Стяжания нищего» Дрикунгпы Ратнашри.	24
<i>Менкенова К. В.</i> , ст. преп. кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения ФГБОУ ВО «КалмГУ» (Элиста). Калмыцкие устные повествования о жизни Бурхан Багши: знакомство с переводами, адаптация и заимствование намтара Будды Шакьямуни.	25
<i>Меньшикова А. А.</i> , аспирант кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета. Проблема создания комментариев к переводам буддийских текстов.	26

<i>Мирзаева С. В.</i> , н. с. отдела письменных памятников и языкознания Калмыцкого научного центра РАН (Элиста). О терминах «народного» буддизма в ритуальных текстах на ойратском «ясном» письме.	28
<i>Омакаева Э. У.</i> , к. фил. н., доцент кафедры РКИОД КалмГУ, эксперт БУ РК «Центр по развитию калмыцкого языка» (Элиста); <i>Корнеев Г. Б.</i> , директор БУ РК «Центр по развитию калмыцкого языка» (Элиста). Буддийские термины в ойратской «Субхашите» в сопоставлении с тибетским оригиналом и русским переводом.	29
<i>Пучко Ю. С.</i> , переводчик с тибетского и английского языков. О сложностях перевода буддийских терминов, обусловленных многозначностью понятий, отличием их значения от повседневного понимания и переводческими клише, которые вместе или по отдельности ведут к неточному или искажённому восприятию буддийских терминов и воззрений. На примере понятий зависимое происхождение (རྟུན་ཅིང་འབྲེལ་བར་འབྱུང་བ།), зависимость (འབྲེལ་བ།), взаимозависимость (ཕན་རྐྱེན་འབྲེལ་བ།), понимание (ཤེས་རབ།), постижение (རྟོགས་བ།), опосредованное мышление (རྟོག་བ།), единосущность (རྩ་གཅིག་བ།), одинаковые и разные (གཅིག་དང་མི་དང།), и др.	31
<i>Терентьев А. А.</i> , к. и. н., главный редактор издательства «Нартанг» (Санкт-Петербург). Перевод и понимание. О понимании термина «основа обозначения» (gdags gzhi / prajñaptivastu) в прасангика-мадхьямаке. <i>Тушинов Б. Л.</i> , м. н. с. лаборатории «Центр переводов с восточных языков» ИМБТ СО РАН. Монгольский Ганжур: его терминологический аппарат как средство перевода канонических текстов.	33

Приложения

<i>Mikhail Elinskii.</i> A New Tibetan Exposition of The Buddhist Science and Philosophy.	36
<i>Ерохин Б. Р.</i> Переводы с тибетского: принципы, цели, методы, история и современность.	42
<i>Кучин И. Л., Музафарова Н. Р.</i> О переводе некоторых тибетских терминов.	56
Сведения об участниках конференции.	64

ПРОГРАММА КОНФЕРЕНЦИИ

4 декабря, пятница

10:00–11:10

Открытие конференции

- Аликберов А. К., к. и. н., и. о. директора ИВ РАН.
- Тэло Тулку Ринпоче, почетный представитель Его Святейшества Далай-ламы в РФ, СНГ и Монголии, верховный лама Калмыкии, духовный руководитель фонда «Сохраним Тибет».
- Терентьев А. А., к. и. н., главный редактор издательства «Нартанг».
- Крапивина Р. Н., к. и. н., с. н. с. ИВР РАН (Санкт-Петербург).
- Жиронкина Ю. С., директор фонда «Сохраним Тибет».

11:10–12:40

Лекция «Что дает теория перевода практическим переводчикам?» – *Ермолович Д. И., д. фил. н., профессор (МГЛУ), председатель жюри Международного переводческого конкурса «Косинус Пи», главный редактор издательства «Аудитория».*

12:40–13:10

Вопросы и ответы.

13:10–14:10

Перерыв.

14:10–16:00

Секция «Общие вопросы»

14:10–14:40

Переводы с тибетского: принципы, цели, методы, история и современность. – *Ерохин Б. Р., переводчик (Санкт-Петербург).*

14:40–15:10

Проблема создания комментариев к переводам буддийских текстов. – *Меньшикова А. А., аспирант кафедры истории философии и логики*

Национального исследовательского Томского государственного университета.

15:10–15:40

Организация работы: взаимодействие между редактором, переводчиком и корректором. – *Бузятков Е. И., главный редактор русскоязычной секции сайта StudyBuddhism.com (Москва).*

15:40–16:00

О некоторых аспектах связи переводов буддийских текстов с актуальными темами современной науки. – *Григорьев И. В., к. б. н., сотрудник Исполнительного комитета СНГ.*

16:00–18:00

Секция «Термины традиции сутр»

16:00–16:30

Трудности перевода: о некоторых важных терминах тибетского буддизма. – *Воронина Д. К., конференц-переводчик.*

16:30–17:00

О сложностях перевода буддийских терминов, обусловленных многозначностью понятий, отличием их значения от повседневного понимания и переводческими клише, которые вместе или по отдельности ведут к неточному или искаженному восприятию буддийских терминов и воззрений. На примере понятий зависимое происхождение (རྟེན་ཅིང་འབྲེལ་བར་འབྱུང་བ།), зависимость (འབྲེལ་བ།), взаимозависимость (ཕན་ཚུན་འབྲེལ་བ།), понимание (ཤེས་རབ།), постижение (རྫོགས་བ།), опосредованное мышление (རྫོགས་བ།), единосущность (རྩི་གཅིག་བ།), одинаковые и разные (གཅིག་དང་ཐ་དད།), и др. – *Пучко Ю. С., переводчик с тибетского и английского языков.*

17:00–17:30

О переводе некоторых тибетских терминов. – *Кучин И. Л., переводчик (Пермь); Музафарова Н. Р., магистрант программы «Алтаистика и общее языкознание», Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (Элиста).*

17:30–18:00

О некоторых примерах авторской терминологии Чогьяла Намкай Норбу. – *Берхин И. В., переводчик, преподаватель буддийской медитации.*

5 декабря, суббота

10:00–13:00

Секция «Термины традиции сутр» (продолжение)

10:00–10:30

О месте несоставных (необусловленных) дхарм (asamskrta, 'dus ma byas) в событийной структуре мира. – *Коробов В. Б., д-р философии, Институт восточных и транскультурных исследований при философском факультете Вильнюсского университета (Вильнюс).*

10:30–11:00

Проблемное поле терминов тиб.: dzin pa; bzung ba. – *Кожевникова М. Н., к. ф. н., переводчик с английского и тибетского (Санкт-Петербург).*

11:00–11:30

Перевод и понимание. О понимании термина «основа обозначения» (gdags gzhi / prajñaptivastu) в прасангика-мадхьямаке. – *Терентьев А. А., к. и. н., главный редактор издательства «Нартанг» (Санкт-Петербург).*

11:30–12:00

Буддийские термины в ойратской «Субхашите» в сопоставлении с тибетским оригиналом и русским переводом. – *Омакаева Э. У., к. фил. н., доцент кафедры РКИОД КалмГУ, эксперт БУ РК «Центр по развитию калмыцкого языка» (Элиста); Корнеев Г. Б., директор БУ РК «Центр по развитию калмыцкого языка» (Элиста).*

12:00–12:30

О терминах «народного» буддизма в ритуальных текстах на ойратском «ясном» письме. – *Мирзаева С. В., н. с. отдела письменных памятников и языкознания Калмыцкого научного центра РАН (Элиста).*

12:30–13:00

Абсолют и иллюзия. – *Загуменнов Б. И., к. ф. н. (Санкт-Петербург).*

13:00–14:00

Перерыв.

14:00–15:30

Секция «О традиции тантр»

14:00–14:30

Тибетская религиозная культура: традиция тантр. – *Крапивина Р. Н., к. и. н., с. н. с. ИВР РАН (Санкт-Петербург).*

14:30–15:00

Комментарий на стослоговую мантру Ваджрасаттвы. – *Митруев Б. Л., н. с. КНЦ РАН (Элиста), фонд «Сохраним Тибет» (Москва).*

15:00–15:30

Проблемы перевода тибетских ритуальных ритмизованных текстов на примере садханы практики чод «Стяжания нищего» Дрикунгпы Ратнашри. – *Куваев С. Ю., переводчик с монгольского, тибетского, английского языков; координатор учебной группы ФПМТ «Лама Цонкапа» (Свердловская обл.).*

15:30–18:30

Круглый стол по вопросам перевода

Эта общая встреча участников конференции задумана для того, чтобы в обстановке, свободной от регламента, обменяться впечатлениями о конференции, поделиться соображениями по затронутым или незатронутым в докладах вопросам перевода и понимания текстов, высказать мысли и предложения о дальнейшем развитии деятельности, связанной с переводом буддийских текстов, в России.

По возможности слово будет предоставлено и переводчикам, которые присутствуют на конференции в качестве наблюдателей.

6 декабря, воскресенье

10:00–11:30

Секция «Источники»

10:00–10:30

Буддийская наука для современного читателя. – *Елинский М. В., к. ф. н., фонд «Сохраним Тибет» (Санкт-Петербург).*

10:30–11:00

Калмыцкие устные повествования о жизни Бурхан Багши: знакомство с переводами, адаптация и заимствование намтара Будды Шакьямуни. – *Менкенова К. В., ст. преп. кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения ФГБОУ ВО «КалмГУ» (Элиста).*

11:00–11:30

Монгольский Ганжур: его терминологический аппарат как средство перевода канонических текстов. – *Тушинов Б. Л., м. н. с. лаборатории «Центр переводов с восточных языков» ИМБТ СО РАН.*

11:30–12:00

Перерыв.

12:00–15:00

Круглый стол по вопросам книгоиздания

Обсуждение вопросов сотрудничества ведущих российских издателей буддийской литературы, а также их взаимодействия с переводчиками в рамках проекта «К русскоязычному буддийскому канону».

15:00–15:30

Подведение итогов

**Тезисы докладов, предоставленные
выступающими
(печатаются в авторской редакции)**

Берхин И. В.,

переводчик, преподаватель буддийской медитации

О некоторых примерах авторской терминологии Чогьяла Намкай Норбу

Чогьял Намкай Норбу, учитель дзогчен, проживший бóльшую часть своей жизни на Западе и обучавший в первую очередь западных учеников на итальянском и английском языках, часто использовал уникальную авторскую терминологию, которая не является буквальным переводом тибетских или индийских терминов. В качестве примера можно рассмотреть следующие термины:

Bodhicitta, byang chub sems – primordial state, the state of consciousness;
Maha, Chen po – total;
Kaaya, sku – dimension.

В традиции дзогчен используется два подхода к терминологии. Один из них, более формальный, сформулирован Лонгченпой и Мипамом, и суть его в том, что терминология может быть произвольной, поскольку смысл независим от слов. Второй подход сформулирован Вималамитрой и его суть в том, что в качестве терминов должны использоваться правильные слова, которые только и способны передать смысл.

Мы рассмотрим пример первого подхода на материале тантры «Царь Всетворящий» и авторскую терминологию Чогьяла Намкай Норбу как выражение подхода Вималамитры.

Бузятов Е. И.,

главный редактор русскоязычной секции сайта StudyBuddhism.com (Москва)

Организация работы: взаимодействие между редактором, переводчиком и корректором

Даже в относительно небольших переводческих проектах обычно требуются переводчик, редактор и корректор. В масштабных проектах, таких как «84 000» (проект Khyentse Foundation по переводу Кангьюра на английский язык), участвует много переводчиков, редакторов и корректоров, и существуют внутренние правила, которые регламентируют порядок работы и принципы разделения ответственности, а также дают общие рекомендации для каждой из позиций. Кроме того, в работе над проектом активную роль может играть руководитель (если это отдельный человек, не совмещающий эту работу, например, с работой редактора), и он также должен хорошо понимать, как лучше организовать рабочий процесс и какие функции выполняет каждый из сотрудников. Всё это обеспечивает согласованность работы и помогает избежать множества проблем, о которых я подробно расскажу на основе своего собственного опыта работы на всех упомянутых позициях.

Первая из проблем – недостаток квалификации, и в первую очередь это касается переводчиков. Как, возможно, и в других областях, в буддизме переводами часто занимаются люди, которые знают английский и в той или иной степени разбираются в буддизме. Этого недостаточно, потому что переводчик также должен знать теорию перевода и грамотно писать на языке перевода, то есть знать наизусть правила грамматики и стилистики. Поскольку во многих проектах работают волонтеры, руководители проектов обычно не требуют от них переводческого образования, однако в итоге слишком много работы перекладывается на плечи редактора. В качестве примера можно привести проблему с порядком слов при переводе с английского на русский. Поскольку в английском смысловое ударение падает на начало, а в русском – на конец предложения, при неправильном переводе редактору приходится переписывать многие предложения, а это не то же самое, что поставить пропущенные знаки препинания. В итоге часто оказывается, что текст проще перевести заново, чем редактировать, и получается, что время переводчика и редактора было потрачено впустую. Классический пример из учебников: *An old man was walking along the seashore* – «По берегу моря шёл старик». В английском предложении подчёркивается, что шёл именно старик, поскольку *an old man* стоит в начале

предложения. В русском подлежащее необходимо поставить в конец предложения: если сохранить английский порядок слов, то в конце окажется «по берегу моря», то есть смысловой акцент окажется на месте, где он шёл.

Вторая проблема – неготовность редактора сверять исходный текст и текст перевода, предложение за предложением и слово за словом (особенно если редактор перегружен работой по исправлению ошибок в русском языке). Поскольку перевод должен быть идеально точным, но при этом не может быть дословным (в этом случае будет нарушаться лексическая сочетаемость), переводчику нужно быть практически совершенным существом, чтобы всегда придерживаться этого срединного пути. Это намного сложнее, чем знать наизусть правила пунктуации, орфографии или стилистики. Поэтому как минимум незначительные ошибки неизбежны, и именно с ними в первую очередь должен работать редактор, если он не отвлекается на более тривиальные ошибки. Поэтому редактор перевода – это всегда опытный переводчик, который хорошо владеет техникой перевода. Редактором перевода не может быть человек, который не знает исходного языка. Редактор должен сверить каждое слово исходного текста и текста перевода, чтобы убедиться, что переводчик не опустил ничего из мысли автора и ничего к ней не добавил. Перевод – это попытка передать мысль автора на другом языке, и для этого нужно сначала правильно понять мысль автора, что часто требует определённой проницательности, а также знания предмета и в идеале – знания других работ этого же автора. Редактор должен убедиться, что переводчик правильно понял все лексические единицы исходного текста и, наконец, что переводчик не пропустил ни одного предложения по невнимательности. Практика показывает, что пропуск целых предложений по невнимательности – нередкое явление. При переводе книги в жанре бестселлера, возможно, пропуск нескольких предложений на книгу не будет катастрофическим, если автор много раз высказывает, объясняет и иллюстрирует свои основные мысли. Совсем иначе дело обстоит с переводом буддийских классических текстов, особенно сутр и тантр. Сутры и тантры и так зачастую трудны для понимания, их трактование и перевод и так зачастую проблематичны, поэтому пропуск всего одного предложения может ещё больше затруднить понимание текста. Итак, редактор должен правильно понять мысль автора; убедиться, что переводчик тоже правильно понял мысль автора; убедиться, что переводчик корректно передал мысль автора на языке перевода; и наконец, редактор должен исправить все найденные ошибки.

Работа корректора кажется немного более простой, но его квалификация также должна быть очень высокой. Единственное исключение – корректору необязательно владеть языком исходного текста. В большинстве случаев

основная задача корректора – проверять текст после редактора и исправлять оставшиеся ошибки и опечатки, некоторые из которых появляются в процессе работы редактора. При неблагоприятном сценарии редактору приходится переписывать значительную часть текста, обращая внимание на множество мелочей, и в этой ситуации возникновение новых незначительных ошибок и опечаток практически неизбежно. Если корректор хорошо разбирается в стилистике, он может вносить стилистические правки, и в этом случае его работа отчасти приближается к работе литературного редактора, которому, опять же, необязательно владеть языком исходного текста или, во всяком случае, необязательно сверять исходный текст с переводом, поскольку эта затратная по времени работа уже была проделана редактором. В буддийских проектах на корректора в некоторых случаях может ложиться ещё одна функция: если он хорошо разбирается в буддийских терминах, знает тибетский, санскрит и/или другие языки классических текстов (при том что перевод может выполняться с английского), корректор может исправлять неточности в специальной терминологии и следить за тем, чтобы термины переводились единообразно (последнее почти невозможно в масштабных проектах, таких как 84 000, и об этой проблеме и возможном её решении я поговорю отдельно). На кого ложится эта ответственность – на редактора или на корректора, – зависит от их образования и компетенции.

Этот принцип компетенции можно также порекомендовать при решении конфликтов, которые почти наверняка рано или поздно будут возникать в рамках проекта и представляют собой отдельную большую проблему. Можно рекомендовать заранее оговаривать методы решения конфликтов и распределять ответственность так, чтобы каждый человек нёс ответственность в той сфере, в которой он компетентнее других (хотя это звучит немного проблематично). Например, если редактор – человек с буддийским образованием и знанием исходного языка и классических буддийских языков, а корректор – специалист по литературной правке и стилистике, терминология окажется в ведении первого. Распределить ответственность сложнее, если у участников проекта схожий уровень компетенции или они занимают позиции с одинаковым названием, например, в проекте два «редактора». Если у проекта есть организатор, который не совмещает эту роль с ролью переводчика, редактора или корректора, ответственность за оценку компетенции, разделение ответственности и преодоление конфликтов во многом ложится на него. Также организатор решает (а в обратном случае это должны решить без него) процедурные моменты, например:

- кому переводчик отправляет свою работу на проверку;

- что происходит с правками корректора, который работает с текстом после редактора, – например, они могут сразу публиковаться, а могут возвращаться редактору, который их просматривает и принимает решение по каждой из правок;
- кто и в какой форме даёт переводчику обратную связь, то есть получает ли он готовый текст со всеми правками, оставляет ли редактор комментарии для переводчика;
- может ли сам переводчик давать обратную связь, обращаться к редактору за разъяснениями, отстаивать свою позицию.

Достигнутым договорённостям важно следовать. Например, если корректор изначально согласился, что последнее слово остаётся за редактором, он не может бесконечно настаивать на своей правоте. Разумеется, между участниками проекта может и должен происходить диалог по поводу сложных мест в текстах, терминологии и так далее, но он не должен перетекать в бесконечный спор и взаимные претензии.

Воронина Д. К.,

конференц-переводчик

Трудности перевода: о некоторых важных терминах тибетского буддизма

Весьма важным оказывается перевод таких терминов, как «бодхичитта» или «клеши», а также «манас» или «читта». Трудности, которые бросаются в глаза в первую очередь, носят, во-первых, философский и эпистемологический, характер. Второй немаловажный момент – присутствие этих слов в виде санскритских заимствований в русском языке и возникшая в силу этого многозначность, в частности, когда одни и те же термины используются в разных системах и школах, а также тот факт, что в русский канон они входят через тибетский и английский языки.

Мы рассмотрим далеко не весь корпус существующих текстов на русском языке, но тех авторов (и переводчиков), которые особенно повлияли и продолжают влиять на распространение терминов. Это будут переводы и тексты таких авторов, как Е. Торчинов, В. Рудой, Р. Крапивина, В. Андросов и А. Терентьев. Также будут использованы некоторые словари, в том числе двуязычные, – С. А. Матвеев. «Англо-русский словарь по буддизму, индуизму и смежным понятиям», Санскритско-русский глоссарий к тексту «Абхидхармасамуччая», изданному с параллельным переводом на английский язык. Другими источниками стали устные переводы геше центра ФПМТ – досточтимой Робины Куртин и досточтимого Оливье, а также начальные знания тибетского языка, позволившие использовать разнообразные тибетские словари.

В докладе будут рассмотрены следующие понятия и их возможные переводы:

1. Бодхичитта.
2. Клеши.
 - 2.1. Неведение.
 - 2.2. Привязанность.
 - 2.3. Гнев.
3. Ум, сознание (буддхи, манас, читта).
4. Отречение.

Чем обогащаются и что теряют термины при переводе с одного языка на другой? Во всех ли случаях нужен и возможен однозначный эквивалент? Возможно, на эти вопросы ответить не удастся. Однако важно их ставить.

Григорьев И. В.,

кандидат биологических наук, сотрудник Исполнительного комитета СНГ

**О некоторых аспектах связи переводов буддийских текстов
с актуальными темами современной науки**

В выступлении рассматриваются некоторые вопросы целеполагания работы по переводу буддийских текстов и их применения в актуальных проблемах современного мира. Это включает и некоторые принципиальные для естествознания и гуманитарных наук темы, особенно в области биологии, психологии и космологии. Одной из центральных среди них является тема дальнейшего развития человека и мирового сообщества в целом, которая рассматривается в буддизме широко и в большой степени увлекательной детализации. Буддизм вполне определенно говорит о следующей стадии эволюции. Представляется важным иметь в виду этот момент в процессе перевода и создания комментариев буддийских текстов.

Елинский М. В.,

к. ф. н., фонд «Сохраним Тибет» (Санкт-Петербург)

Буддийская наука для современного читателя

Наиболее объёмное буддийское литературное наследие дошло до нас на тибетском языке, однако обширность и сложность корпуса буддийской литературы признавались как препятствие для её изучения уже в Древней Индии, где со II в. н. э. получил распространение энциклопедический жанр, а с развитием университетской буддийской образованности (т. е. приблизительно с V в.) жанр компендиума – краткого сводного изложения. Такие сборники определённо облегчали изучение буддизма для его многочисленных последователей, а сегодня, когда носители живой тибетской культуры задалась целью сохранить и представить тибетское культурное наследие для всего мира, стала актуальной задача издания авторитетного компендиума, который отвечал бы требованиям, предъявляемым к современной академической литературе. Именно таков замысел издаваемой в настоящее время серии книг «Наука и философия в индийской буддийской классической литературе» [Science And Philosophy In The Indian Buddhist Classics]. На английском языке к настоящему времени выпущен только первый том под заголовком «Материальный мир» [Vol. 1 The Physical World]. Второй том, посвящённый психике и сознанию, планируется к выпуску до конца 2020 года. А на тибетском языке два первых тома уже изданы под редакцией Тхубтена Джинпа. По заказу фонда «Сохраним Тибет» мы с коллегой Чеченбаем Монгушем перевели первый том на русский язык, и сегодня я хотел бы представить эту книгу, запланированную к скорому выпуску, поскольку важность этого издания для развития буддийской образованности в России нам видится существенной.

Как уже сказано, это издание адресовано не просто широкой публике, но в том числе и научной общественности. Первый том серии в шести частях и тридцати трёх главах освещает буддийские представления о мире. Использованная составителями литература включает большое количество текстов буддийского канона, а сверх того ряд известных трактатов по буддийской медицине и астрологии, включая различные тибетские произведения. Сборник предоставляет возможность быстрого ознакомления широкого круга заинтересованных читателей с важнейшими концепциями и терминологией по источникам, которые считаются наиболее важными для тибетского буддизма. Книга может использоваться как справочник,

позволяющий анализировать материал в контексте философских и культурологических исследований, и как пособие для изучающих буддизм.

Особое внимание в книге уделено методологическим вопросам. Уже в ранних буддийских текстах от лица самого Будды был провозглашён принцип непринятия чьих-либо слов за истинные лишь по причине авторитета, высказывающего эти слова. Исходя из этого, в буддийских философских школах был сформулирован критерий оценки способов познания, по которому наибольший вес имело непосредственное наблюдение, за ним следовало правильно построенное рассуждение и только в последнюю очередь и лишь для очень ограниченного круга вопросов рассматривалось свидетельство авторитетных текстов. Эта иерархия способов познания отражает представление о мире как сложном объекте познания, включающем в себя три вида фактов: очевидные, скрытые и скрытые в высокой степени. Первые из них доступны для познания через органы чувств человека, а познание вторых требует правильного рассуждения на основании фактов первого вида. Факты третьего вида отражают весьма сложные и тонкие связи явлений, которые было бы очень трудно познать на основании обычных рассуждений, и поэтому в данных вопросах допустимо опираться на чей-то авторитет: например, человек не может сам помнить дату своего рождения, но свидетельство своих родителей признаёт в этом вопросе за авторитетное. Как подчёркивается в книге, буддийский подход к познанию фактов первых двух видов представляет собой, по сути, форму эмпиризма.

Наука буддийского рассуждения отличается от классической западной логики на уровне понятийного мышления. Это отличие важно понимать, анализируя канонические тексты, особенно связанные с тезисами философской школы мадхьямака. Завершает методологический раздел книги третья глава, посвящённая разработанному в Тибете предмету под названием «собрание тем» (тиб. *bsdus grwa*), который представляет собой начальную ступень изучения эпистемологии в тибетском образовательном курсе и содержит восемнадцать тем, разработанных тибетским логиком Чапа Чёкьи Сенге (1109–1160) и формирующих базовый понятийный каркас для дальнейшего изучения предметного мира. Следующим после него курсом (также первого этапа обучения) в монастырском образовании является предмет «ум и знание» (тиб. *blo rig*), где скомпилированы темы теории познания, однако этому предмету будет уделено внимание во втором томе серии.

В моём докладе будет представлен краткий обзор содержания книги и высказаны критические замечания. Об оформлении содержания книги следует сказать, что первый том четырёхтомной серии «Наука и философия в

индийской классической буддийской литературе» в целом соответствует стандартам, предъявляемым к современному научному изданию и содержит глоссарий, список литературы и указатель. Для всех цитат приведены сноски со ссылками; цитаты канонических произведений кодифицированы по каталогу буддийского канона, изданному в Университете Тохоку [Tohoku, 1934]. Все эти элементы издания важны для его использования в научных целях и будут в полной мере представлены также и в запланированном к изданию русском переводе.

Литература

Dalai Lama (conceived and introduced by), Thubten Jinpa ed. by. *Science and Philosophy in the Indian Buddhist Classics, Vol. 1, The Physical World*. Trans. By Ian Coghlan. Simon&Shuster, New Delhi, 2018, 521 p.

Hakuju Ui, Munetada Suzuki, Yensho-Kanakura [And] To-Kan Tada ed. by. *A Complete Catalogue Of The Tibetan Buddhist Canons (Bhah.-H.Gyur And Bstan-H.Gyur)*. Sendai Tohoku Imperial University Aided by Saito Gratitude Foundation 1934, 702 p.

S. Kachru. *Review of “Science and Philosophy in the Indian Buddhist Classics. Vol. 1 The Physical World*. January 11, 2019. URL: <http://readingreligion.org/books/science-and-philosophy-indian-buddhist-classics-volume-1> (accessed: 24.05.2020).

M. Siderits and S. Katsura. *Nāgārjuna’s Middle Way*. Wisdom Publications, 2013, 368 p.

Полный текст доклада на английском языке см. в Приложении.

Загуменнов Б. И.,

к. ф. н. (Санкт-Петербург)

1. **Специальная лексика и термины** во многом и прежде всего определяют специфику и дух любых текстов. Основные изъяны при образовании и употреблении терминов в русскоязычных переводах – это **англицизмы и христианизация**, которые суть проявления **евроцентризма**.

2. В свете этого следует проанализировать перевод некоторых ключевых буддийских терминов, это в частности:

1) высшая истина/реальность (скр. парамартха, тиб. дон.дам), в англ. переводе *ultimate truth* – высшая или предельная истина/реальность, но не абсолютная реальность. «Все дхармы лишены абсолютности (ан-атма)»;

2) относительная истина/реальность (скр. самврити сатья) – не иллюзия. А. Берзин: «...все подобно иллюзии. «Подобно» здесь важное слово, речь вовсе не о том, что все является иллюзией, (иначе) не было бы никакой разницы, едим ли мы пищу по-настоящему или едим ее в своем воображении, – она одинаково наполняла бы наш желудок» (А. Берзин. Общий обзор буддийских практик. СПб. 1993. С. 44);

3) относительное и абсолютное «я»; «высший атман» или просто «высшая природа»; бесплодные дискуссии.

Кожевникова М. Н.,

к. ф. н., переводчик с английского и тибетского (Санкт-Петербург)

Проблемное поле терминов тиб.: "dzin pa; bzung ba"

Буддийские термины, сформированные корнем 'dzin pa и его формой bzung ba, зачастую получают в русском языке перевод посредством глаголов: «держать», «держаться», «схватывать», «цепляться» и их производными. Требуется прояснить область значений этих терминов, поскольку в действительности она представляет проблемное поле для перевода как затрагивающая философские и психологические проблемы.

Доклад посвящен анализу данного вопроса и также связи обсуждаемых терминов с некоторыми контекстами и с другими терминами буддийского лексикона.

Коробов В. Б.,

д-р философии, Институт восточных и транскультурных исследований при философском факультете Вильнюсского университета (Вильнюс)

О месте несоставных (необусловленных) дхарм (*asaṃskṛta*, *'dus ma byas*) в событийной структуре мира

В «Разделе Характеристик» абхидхармы представлены элементы «прагматики» языка, в котором реализуется стратегия познавания, ориентированная на освобождение от страданий. «Прагматика» языка задается посредством перечисления всего того, что может произойти, то есть перечисления всех классов событий или дхарм. И если дхарма – это то, что происходит, возникает вопрос: что происходит, когда дхарма «несоставная» или «необусловленная» (*asaṃskṛta*, *'dus ma byas*)?

В «Разделе Примеров» Абхидхармасамуччайи говорится, что «все, за исключением сферы событий (*дхармадхату*) и одного аспекта пределов восприятия (*аятана*), является составным» [AS (Tib) §28A], а в текстах по абхидхарме приводятся разные списки несоставных дхарм. В каком смысле о «несоставных» дхармах можно говорить как о событиях?

В своем выступлении я попытаюсь разобраться, какое положение в событийной структуре мира занимают так называемые «несоставные» или «необусловленные» дхармы.

Кративина Р. Н.,

к. и. н., с. н. с. ИВР РАН (Санкт-Петербург)

Тибетская религиозная культура: традиция тантр

1. Текст и автор.

Существует множество работ индийских и тибетских авторов по традиции *Тантр* (sngags lugs). Часть из этих работ была включена в тибетский буддийский Канон, другая часть работ, принадлежащих разным периодам времени, разным авторам разных школ тибетского буддизма, содержится в их собраниях сочинений (gsung 'bum) или в собраниях сочинений, объединяющих несколько авторов одной школы (bka' 'bum).

Известно, что работы по традиции Тантр, как правило, и согласно традиции, являются закрытыми для исследователя, читателя или слушателя, не имеющих особого разрешения на ознакомление с этим типом буддийской литературы.

Работа известного монгольского автора трёхтомного собрания сочинений *Нгаван Пэлдэн Чойчжэ* (XIX в.) под названием «*Прояснение текстов [традиции] Тантр: представление устройства этапов и уровней четырёх классов тайной тантры*» не считается в тибетской традиции закрытой. Поскольку для ознакомления и изучения этой работы не требуется получение *посвящения* и т. д., именно эта работа оказалась подходящей для того, чтобы представить (слушателю и читателю) некоторые характеристики традиции *Тантр*, общий обзор *тантрийского пути*, его *этапов и уровней*, терминологию и философию традиции Тантр.

2. Этот ценный источник на тибетском языке небольшого объёма (50 листов среднего тибетского формата) представляет исследователю возможность начального подхода к изучению структурных особенностей, содержания и методологии тантрийского текста.

3. Вопросы коммуникации с тантрийским текстом в данном случае были решены в пользу устной тибетской учёной традиции, что означает перевод с устного тибетского языка на русский *курса лекций* по данному тексту (двадцать одна лекция), прочитанному геше Чжамьян Кхенцзэ (1927–2006) в г. Санкт-Петербурге в 1997–1998 гг.

Куваев С. Ю.,

переводчик с монгольского, тибетского, английского языков; координатор учебной группы ФПМТ «Лама Цонкапа» (Свердловская обл.).

Проблемы перевода тибетских ритуальных ритмизованных текстов на примере садханы практики чод «Стяжания нищего» Дрикунгпы Ратнашри

В докладе рассматриваются проблемы, возникающие перед переводчиком тибетских ритмизованных текстов на русский язык, когда он ставит целью воспроизвести в своём переводе не только смысл переводимой садханы, но и такие особенности текста, как ритм и мелодику, делая таким образом возможным выполнение садханы на русском языке соответствующим требованиям данной традиции, относящимся к этим её аспектам. Разнообразные проблемы, возникающие в связи с этой целью, анализируются на основе текста практики чод *ku sa la'I tshogs gsog* («Стяжания нищего»), написанного Дрикунгпой Ратнашри и использующегося в традиции дрикунг-кагью. В частности, рассматривается несколько подходов к сохранению возможности ритмического исполнения переведённых с тибетского садхан, выработанных в монгольском буддизме; их применимость к русскому языку; к отдельным способам построения ритмического (поэтического) текста садханы, зависимость этих построений от содержания текста, а также опирающихся на этот текст психотехник, которые параллельно с чтением (пропеванием) садханы должен выполнять практикующий. Поднимаются вопросы критериев успешности подобных переводов, а также того, является ли наличие персонального опыта в конкретной практике необходимым условием для адекватного воспроизведения в переводе не только содержания текста, но и переживаний, которые призваны порождать у практикующего ритм и мелодия подобных практик.

Менкенова К. В.,

ст. преп. кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и
регионоведения ФГБОУ ВО «КалмГУ» (Элиста)

Калмыцкие устные повествования о жизни Бурхан Багши: знакомство с переводами, адаптация и заимствование намтара Будды Шакьямуни

Буддизм играет значительную роль во многих сферах жизни кочевого калмыцкого народа, включая фольклор. Мотивы буддийской религии прослеживаются во многих калмыцких народных произведениях.

Особое место буддийские элементы занимают в калмыцких устных народных рассказах. Во многих из них встречаются разнообразные упоминания о религиозных ценностях, распространившихся среди калмыков благодаря принятию тибетского буддизма и переводческой деятельности Зая-Пандиты. Элементы буддийской религии и философии представлены в калмыцких устных рассказах очень обширно.

Предметом научного исследования в данной работе являются элементы калмыцких народных рассказов, заимствованные и адаптированные калмыками посредством знакомства с буддийскими произведениями жанра «намтар».

Меньшикова А. А.,

аспирант кафедры истории философии и логики Национального
исследовательского Томского государственного университета

Проблема создания комментариев к переводам буддийских текстов

Основная сложность перевода буддийских текстов связана с культурным феноменом – языком перевода, отсутствием исторических эквивалентов и хронологическим несовпадением философских систем, также основывающихся на культурно-лингвистической и мировоззренческой традиции. Логика и сама ситуация перевода предполагает создание вторичного текста, неизбежного метафизического принципа в результате осуществленного перевода. Перевод буддийских текстов на русский язык неизбежно содержит лексические и семантические несоответствия в онтологии, что становится причиной неизбежных специфических коннотаций наподобие христианской лексики в период, когда понимание культуры и язык еще не были готовы к альтернативе.

Воспроизведение буддийских текстов для русскоязычной аудитории требует системного понимания и подготовки сознания реципиента. Поэтому перевод текстов буддийской традиции для образовательных целей следует дополнять вводными комментариями аналитических статей, как единственного способа подготовить воспринимающее сознание, поскольку необходимо разграничивать цели познания и культа. В комментариях необходимо изложить суть философской концепции в качестве фонового знания. Необходимо провести семантический и структурно-функциональный анализ лексики и высказываний, пояснить значимость понятий и смысл их применения, что они привносят контексту и всей философской системе. Для создания успешного комментария реципиенту с европейским сознанием требуется описание буддийской онтологии и космогонии, значимость переведенного текста в религиозных практиках.

Составление комментариев требует предварительного квалифицированного исследования, объяснения направленности и значимости текстов буддийской традиции для того, чтобы читатель не путал различные исторические уровни и не воспринимал ошибочные контексты. Интерпретативный подход не требует жесткого следования букве оригинала. В этой связи меняется само понимание перевода как следования вербальным выражениям. Зная о специфике текстов, можно применять межсемиотический перевод и ограничиться комментариями в принципе. Излишняя информативность не является недостатком. Интерпретация не

вызывает проблем потому, что содержание текстов вписывается в логику кюльта и буддийскую онтологию. Основное внимание при переводе следует уделять дидактической стороне текстов. Комментарии позволяют исключить вероятность неправильного понимания смысла эксплицитного высказывания. В отдельные фрагменты следует включить информацию о корпусе соответствующих текстов. Недостаток этого метода в том, что сами комментарии становятся формой интерпретации, вводят тексты в среду воспринимающей культуры, формируют стереотип. Поэтому составить правильный комментарий важнее, чем перевести текст дословно. Стратегия перевода должна быть направлена на раскрытие когнитивных метафор. Составление комментариев требует разработки новой формы, поскольку аналитические статьи исключают ситуативность, пропозицию, способны изменить прагматику текстов оригинала, дословный перевод создает множество способов интерпретации. При этом не удастся установить компромисс по причине синтаксического строя высказываний, возможных в русском языке, тем более других европейских языков, в особенности английского как наиболее распространенного по степени востребованности. Предельные категории смысла высказываний в переводе нарушают связь с фоновым контекстом оригинала. Аналогичная ситуация неизбежно возникает и при составлении текста комментариев. Путь решения сложившейся проблемы представляется в возможности осуществления межсемиотического перевода, схематизации онтологии в качестве дополнения к комментариям. Иноязычный вербальный перевод не способен передать специфику жанра и формы как культурного феномена.

Мирзаева С. В.,

научный сотрудник отдела письменных памятников и языкознания
Калмыцкого научного центра РАН (Элиста)

О терминах «народного» буддизма в ритуальных текстах на ойратском «ясном» письме

В докладе рассматриваются некоторые образцы терминологии ритуальных буддийских текстов на материале ойратской рукописи «*Burхан багшийн ном хара šidi orošiboi*», название которой условно переведено как «Мирская магия учения Будды». Этот текст, хранящийся в монастыре Рашичойлинг (Баян-Улгийский аймак, Монголия), доступен в цифровой коллекции ойратских текстов фонда «Тод номын гэрэл». По содержанию это сборник неблагоприятных примет, перечисление которых сопровождается просьбами устранить их, обращенными к Ваджрадхаре, и магическими формулами-*дхарани*. Интересно, что рукопись содержит также описание ритуала, вероятно, сопровождавшего чтение текста, с использованием рога черной коровы и отреза черного сукна. Этот ритуал можно отнести к «черным» ритуалам народной религии, основное назначение которых заключалось в подавлении вредоносных влияний, и вся используемая атрибутика должна была быть черного цвета. Затруднения вызывает перевод терминов *xara sidi* (букв. «черная магия»), *bandi bombo* («монахи и служители бона»), *xarši* («неблагоприятствование») и др., что предлагается вынести на обсуждение участников конференции.

Омакаева Э. У.,
к. фил. н., доцент кафедры РКИОД КалмГУ, эксперт БУ РК «Центр по
развитию калмыцкого языка» (Элиста)

Корнеев Г. Б.,
директор БУ РК «Центр по развитию калмыцкого языка» (Элиста)

Буддийские термины в ойратской «Субхашите» в сопоставлении с тибетским оригиналом и русским переводом

*Работа выполнена при поддержке внутривузовского гранта КалмГУ (проект
№ 1120)*

Неоценимый вклад в распространение буддийского канона среди монголоязычных народов внесли переводчики – знатоки санскрита, тибетского языка, старомонгольской письменности и «ясного письма» ойратов. Создатель «тодо бичиг» Зая-пандита Намкай Джамцо стоял у истоков формирования ойратской переводческой традиции.

Объектом нашего исследования является ойратский перевод Зая-пандиты Намкай Джамцо сочинения известного тибетского ученого XIII в. Сакья-пандиты Гунга Жалцана (1182–1251) «Драгоценная сокровищница изящных изречений» (457 четверостиший) в сопоставлении с тибетским оригиналом и монгольскими версиями.

Буддийская терминология, представленная в рассматриваемом памятнике, тематически разнообразна. В докладе на примере ойратской версии тибетской «Субхашиты» в сопоставлении с тибетским оригиналом и русским переводом выделяются пять тематических групп буддийских терминов: 1) наименования важнейших понятий нравственной этики буддизма (например, ойр. *biuyan*, калм. *буйн* «добродетель», санскр. पुण्य 'puṇya'); 2) термины, обозначающие предметы буддийского культа и культовые объекты; 3) номинации буддийских священнослужителей; 4) обозначения парамиты (санскр. *pāramitā*; например, ойр. *ögligö*, калм. *өглh*, тиб. ལྷན་པ། 'даяние'); 5) теонимы (имена божеств).

Приведем в качестве примера теоним *Вишну*. В отличие от монгольского перевода, где фиксируется воспроизведение санскритского имени (Вишнүү), в ойратской версии мы видим кальку: тибетский термин *gos-ser-can* переведен дословно – *Шар девлт* «В жёлтой одежде». Такой перевод вполне оправдан: Питамбара (носящий желтые одежды) – одно из имен Вишну. Вишну одет в желтые шелковые одежды. Его ваханой («ездовым животным») является птица Гаруда.

Основной пласт буддийской терминологии формируют заимствования из санскрита и тибетского языка. Заимствованная санскритская терминология имеет свои особенности, связанные с ее иноязычным происхождением, с разными путями проникновения слова в ойратский язык: устный или письменный, непосредственно из языка-источника или через язык-посредник (уйгурский или тибетский). Исследования буддийской терминологии несостоятельны без глубокого изучения буддизма в целом как многомерного феномена и буддийской языковой картины мира как точки пересечения двух важнейших знаковых систем — религии и языка, который ее обслуживает.

Пучко Ю. С.,

переводчик с тибетского и английского языков

О сложностях перевода буддийских терминов, обусловленных многозначностью понятий, отличием их значения от повседневного понимания и переводческими клише, которые вместе или по отдельности ведут к неточному или искажённому восприятию буддийских терминов и воззрений.

На примере понятий зависимое происхождение (རྟེན་ཅིང་འབྲེལ་བར་འབྱུང་བ།), зависимость (འབྲེལ་བ།), взаимозависимость (ཕན་རྐྱེན་འབྲེལ་བ།), понимание (ཤེས་རབ།), постижение (རྟོགས་བ།), опосредованное мышление (རྟོག་བ།), единосущность (རྩི་གཅིག་བ།), одинаковые и разные (གཅིག་དང་ཐ་དད།), и др.

I. Знакомство с четырьмя принципами, на которые необходимо полагаться при изучении буддийского учения (санскр. *catvāri upastambha*, тиб.

རྟོན་བ་བཞི་འཇམ་གཞག), и понимание необходимости соблюдения этих принципов при переводе учения на другие языки.

II. Основные трудности перевода буддийских терминов: многозначность слов и понятий; отличие повседневного понимания понятий и их научного значения; отличие значения понятий в разных философских традициях; переводческие и речевые клише.

1. Многозначность слов и понятий.

На примере понятий вкус/труп/природа/сущность (རྩི) и единовкусие/единосущность/неделимость (རྩི་གཅིག་བ།).

2. Отличие повседневного понимания понятий и их научного значения.

Рассматриваются понятия: зависимость (འབྲེལ་བ།), взаимозависимость (ཕན་རྐྱེན་འབྲེལ་བ།), понимание/мудрость (ཤེས་རབ།), постижение (རྟོགས་བ།), концептуальное мышление/дискурс/опосредованное мышление (རྟོག་བ།), причина и следствие (རྟུ་དང་འབྲས་བུ།).

3. Разное понимание смысла якобы одного и того же понятия в разных научных дисциплинах и разных философских традициях.

Рассматриваются воззрения зависимого происхождения (རྟེན་ཅིང་འབྱུང་བ།).

4. Ущербность использования существующих переводческих клише, а также попыток формирования новых. Ловушки получивших таким образом широкое распространение «буддийских» представлений, не соответствующих действительности (по своей сути околонаучных мифов).

Рассматриваются как существующие переводческие клише, так и попытка создания новых, персональных клише. Выносятся на обсуждение соответствие буддийским представлениям утверждений: **этот мир взаимосвязан и все явления в этом мире взаимосвязаны.**

III. О необходимости организации своеобразных курсов «ликвидации безграмотности» для желающих изучить основополагающие буддийские понятия переводчиков (и не только), целью которых является не навязывание общепринятых или обязательных вариантов перевода этих понятий, а формирование их надёжного понимания, соответствующего заложенному в эти понятия содержанию (смыслу).

Терентьев А. А.,

к. и. н., главный редактор издательства «Нартанг»

**Перевод и понимание. О понимании термина «основа обозначения»
(gdags gzhi / prajñaptivastu) в прасангика-мадхьямаке**

Критерием правильности перевода философского текста является понимание переводчиком и читателем перевода мысли автора текста. Ключевым моментом воззрения мадхьямаки на реальность является формула, говорящая, что реалии – «только названия» (санскр. *nāmatātram*; тиб. *ming tsam*) – то есть обозначения, приписываемые нами неким «основам обозначения». В докладе делается попытка осмыслить это непростое понятие, которое в ключевых текстах мадхьямаки мало комментируется.

Тушинов Б. Л.,

м. н. с. лаборатории «Центр переводов с восточных языков» ИМБТ СО РАН

Монгольский Ганжур: его терминологический аппарат как средство перевода канонических текстов

Основная цель доклада – обратить внимание на пути развития терминологического аппарата монгольского Ганжура. В настоящее время актуальна задача адекватного перевода буддийских терминов на русский язык. Россия занимает особое географическое положение между Западом и Востоком и, обладая собственной богатой историей изучения буддизма, имеет возможность сплава в российской буддийской культуре западного и восточного направления исследований. В направлении Востока богатейшее поле представляет монгольский Ганжур как источник для получения картины монгольского опыта терминологического перевода с тибетского на монгольский язык. Вопрос заключается не в передаче терминов с монгольского на русский, что будет третьим переводом и, соответственно, будет нести значительные искажения, учитывая своеобразие каждого языка. Рассмотрение этого опыта возникновения монгольской терминологии в переводах Ганжура скорее станет важным дополнением к процессу становления русской буддийской терминологии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

A New Tibetan Exposition of The Buddhist Science and Philosophy

by Mikhail Elinskii

The most voluminous Buddhist literary heritage has come down to us in Tibetan. The Tibetan Buddhist canon was compiled by Budon Rinchendub (*bu-ston rin-chen 'grub*, 1290–1364) and contains a total of 5892 works [Tohoku, 1934]. Even ancient Indian scholars regarded the vastness and complexity of the Buddhist literature as an obstacle to its study, and in this regard, encyclopedic expositions appear early in the history of Buddhism, and from around the 5th century AD the compendium genre of summaries became widespread in India due to development of the university Buddhist education. For many generations of students of Buddhist tenets, this kind of compilation facilitated studies and nowadays to preserve and present the Tibetan cultural heritage for the whole world, an authoritative compendium from the living Buddhist tradition that would meet the requirements for contemporary academic literature also has the utmost importance.

This is the intent of the four-volume series “Science and Philosophy in The Indian Buddhist Classics” of which volume 1 headed “The Physical World” is the subject of my message. I translated the volume from English to Russian for Save Tibet Foundation in cooperation with my colleague Chechenbai Mongush who followed my Russian text to synchronize it with the original Tibetan version. The English version of the volume was chosen as the main source for translation to save the shape of the book as it had been designed for Western readers by the editor of the series who is Thubten Jinpa.

The literature used by the compilers of the volume includes numerous texts of the Buddhist canon and diverse Tibetan works as well. Therefore, for a strict reader, it should be noted that the title of the series has some discrepancy with the factual content of the compendium because it firstly contains a section that has been compiled of Tibetan medical literature. Furthermore, exposition in the volume clearly follows the tradition of Tibetan monastery education, which began to take shape in the 12th century and then developed into a full-fledged academic system in Tibet. Therefore, I have to agree with similar criticism [Kachru, 2019] and note that the title of the book is incomplete and that the compilers follow the position widely accepted among Tibetan Buddhists that Tibetan Buddhism embodies the most authentic form of Indian Buddhism. However, this position requires a special explanation and justifying for Western readers.

The topics in the first volume of the series are presented in six parts and thirty-three chapters. Part 1 of the three chapters sets out the fundamental principles of the Buddhist approach to the study of reality. In the epistemological context, the

Sanskrit term “dharma” is interpreted by the compilers as a phenomenon, or as a fact of reality, without giving any special explanation of its meaning and origin. However, they concentrate on the principles of Buddhist reasoning and science.

Already in the early Buddhist texts, on behalf of the Buddha himself, the principle of not accepting someone’s words just because of the authority of that person was proclaimed. On this basis, a criterion was developed for assessing the methods of cognition. According to that, a direct perception accepted as the most important and correctly constructed reasoning goes after that. Only for a very limited range of issues, a scripture considered a valid source of cognition. This hierarchy of ways of cognition reflects the concept of the world as a complex object of cognition, which includes three types of facts: obvious, hidden, and extremely hidden. The facts of the first type are available for cognition with sense faculties, and the knowledge of the second ones requires proper reasoning based on the facts of the first type. The facts of the third type reflect very complex and subtle connections of phenomena that would be difficult to understand by means of ordinary reasoning, and so, it is sufficient to rely on someone’s authority. For instance, a person cannot remember the date of his birth, but the evidence of his parents can be accepted as authoritative.

Another basis of reasoning in Buddhist thought consists of so-called four principles of reason: 1) the individual essence of a thing reflects the *principle of nature*, 2) the fact that any functioning relies on a natural essence is a *principle of function*, 3) the way one thing depends on other things based on functioning is a *principle of dependence*, and 4) the reason for this kind of relationship between things is the *principle of evidence*. The evidence of reasoning as the fourth principle is based on the three previous principles and each of them connects reasoning with the corresponding aspect of knowable reality. The Buddhist cognition of the world, therefore, can be considered within the framework of cognition of the first two kinds of facts as a form of empiricism. [The Physical World, 2018, p. 43]

This section on the method concluded by the third chapter devoted to a subject called the “Collection of Topics” (tib. *bsdus grwa*) developed in Tibet for monastic studies by Chapa Chökyi Senge (1109–1160). This is the initial stage in the study of epistemology in Tibetan education, and the next course (which is also the initial stage of instruction on epistemology) is “Mind and Knowledge” (tib. *blo rig*), where the themes of the theory of knowledge are compiled.

An essential feature of the discussion on “Collection of Topics” is the focus on the traditional formal dispute, which in Tibetan education turned into a qualification mark for mastering the subject of philosophy. The dominant Tibetan Buddhist school of philosophy, Madhyamaka also formulates their reasonings on the basis of the formal dispute. Hence, they specify three main elements of

reasoning: 1) the subject of dispute, 2) the predicate, and 3) the logical basis. Thus, even simple three-step reasoning is compiled in the form of a dispute, and the study of reasoning goes ahead along with the practice of formal dispute.

Students of “Collection of Topics” learn to apply reasoning by analyzing various types of relations between pairs of phenomena: 1) tetralemma, 2) trilemma, 3) mutual exclusion and 4) equivalence. Such an analysis of relations within the framework of the tetralemma and trilemma is of great importance for the subsequent study of Madhyamaka. As it is shown clearly in the book, the relations of pairs of objects are thought extensionally, i.e. based on the relationship of the scopes of the relevant concepts.

Hence, the logical judgment, according to “Collection of Topics”, is built not of the actual concepts, as Western logic understands the concept, but on phenomena as they are directly known by their attributes and just named in the language. The definition in Western logic refers to the formation of the concept, being a procedure of fixing the attributes of an object in thought. Having defined an object, the logicians get a new speculative structure which is not the initial object itself. However, the Buddhist definition is less formal and does not prohibit to define the object by itself and by pure negation as well.

Understanding this kind of extensionality of Buddhist reasoning is important for exploring some of the most important texts on the Mahāyāna philosophy. For example, in Mūlamadhyamakakārikā by Nāgārjuna, it is said: “Saṃsāra has no difference from nirvāṇā. Nirvāṇā has no difference from saṃsāra».” (skt. na saṃsārasya nirvāṇāt kiṃcid asti viśeṣaṇam na nirvāṇasya saṃsārāt kiṃcid asti viśeṣaṇam, [Siderits, Katsura, 2013, p. 302]) Nāgārjuna cannot assert the identity of the phenomena of saṃsāra and nirvāṇā, but speaks of the coincidence of their nature, which means their absence of independent existence (tib. *rang bzhin mtshung pa*). To say that, he has to point out the coincidence of the scopes of the corresponding concepts and so, he speaks out in two lines saying first that the class of all phenomena of saṃsāra does not contain any phenomena other than those that also belong to the class of nirvāṇā. And then with just the same shape of the line, he again has to say that the class of all phenomena of nirvāṇā does not contain any phenomena other than those that also belong to the class of saṃsāra.

Part 2 of the book of ten chapters is devoted to the world as an object of knowledge including the concepts of phenomena, material phenomena, objects and abilities of sensory perception, cause and effect, classification of objects of cognition, and a number of fundamental topics on epistemology. Here the reader is given a full acquaintance with these topics on the basis of a representative list of Indian sources, the most important of which are Mahāvibhāṣa, the writings by Vasubandhu and Asaṅga, and Pramāṇavārttika by Dharmakīrti.

Part 3 of the three chapters is on Buddhist atomism, which initially could be borrowed from the non-Buddhist Vaiśeṣika school, but then was actively developed by Buddhist Sarvāstivāda, and subsequently became the subject of discussion between Vaibhashika and Sautrāntika schools. Today, the views of ancient atomists are interesting, first of all, to historians of thought, and the authors have to be careful in comparing, for example, ancient atomistic concepts with the chemical atomism of John Dalton [The Physical World, 2018, p. 201], because behind the similar words of these concepts there are completely different contexts of ideas about the world.

The intent of the Buddhist atomism is a reductionist search for the fundamental principles of the universe which would real in contrast to the composite thing of the world. Vasubandhu, as shown in the book, analyzes his own saying: “The limit of form is a particle; names, a letter; time, a moment” [ibid, pp. 217–218, 267–268] which shows that the scope of this search was not limited by natural philosophy but included ideas about time and linguistic signs interpreted as the simplest sounds of speech. Part 4 of the four chapters covers the Buddhist understanding of the phenomenon of time, relevant discussions, the theory of instantness, and the idea of subtle impermanence. The matter of speech sounds is covered in the book above in chapter 6.

Speaking about the essence of time, Buddhists attribute it to unassociated factors, i.e. to such phenomena that can be considered neither material nor mental. The essence of the past, present, and future lies at the very centre of discussion between Buddhist schools. Sarvāstivāda postulates the reality of each of these phases, but Sautrāntika accepts only reality of the present. Madhyamaka goes further and speaks not only about the relativity of the past, present, and future, but about the lack of inherent existence of the time itself.

The main idea of the Buddhist doctrine of instantness is that every conditional thing exists as a continuous stream and its stay in a fixed form is limited to just one moment. The inconstancy of all conditioned things is the idea of all Buddhist schools but the early Abhidharma schools did not interpret impermanence in terms of instantness, reducing it to the four characteristics of the thing that it manifests sequentially: arising, enduring, decay and disintegration. The Sautrantika school reduced these characteristics to three of arising, enduring, and disintegration and interpreted them as simultaneous and present at every moment of existence. Later, Dharmakīrti developed a new idea of instantness arguing that every existing thing should have a causal efficiency, and the causal function is possible only for instant things.

Part 5, including chapters 21 to 26, covers the Buddhist ideas of the universe and its inhabitants which were widespread in ancient India and reproduces them separately from Abhidharma and Kalachakra systems as well as the works by

Āryabhaṭa (b. 476) of Nalanda University which also influenced Arab mathematics and astronomy.

One of the central topics of Buddhism is its criticism of creationism and the notion of the multiplicity and cyclical nature of existence. These critics are based on the Buddhist principle of dependent arising, which, in particular, premises the absence of a transcendental being or power that would be in any way responsible for the existence of the world and that nothing exists outside a complex network of causes and effects. The meaning of this premise reflected by the famous phrase, “merely this conditionedness” (skt. *idam pratyaya*; tib. *rkyen nyid 'di pa tsam*). One of the fundamental views, fixed in the canonical literature as the logical consequence of that, is the idea that it is impossible to indicate the absolute beginning of the world. The picture of the world is presented as the endlessly reproducing cycle of the existence of many universes including four cosmic periods called *kalpa of emptiness*, *kalpa of formation*, *kalpa of existence*, and *kalpa of destruction*. As for the structure of the universe, a summary description of the corresponding cosmological representations is given in chapter 24 on the motion of celestial bodies.

Chapter 25 is devoted to units of measurement of spatial objects, time, as well as numerical measures. Description of microscopic and macroscopic units of dimensions, as well as ideas about large numbers which correlate with descriptions of multiple universes, gives a separate topic for study.

Part 6 of the book based not only on canonical literature but also on such Tibetan texts as “Four Medical Tantras” (which should not be mixed with the tantras of the Buddhist canon and Hindu tantras as well) and other sources on Buddhist medicine. It covers a range of topics related to Tibetan medicine, such as fetal development, birth processes, the brain, the activity of microbes in the body, as well as so-called subtle body and relationship between the body and consciousness. For key subjects, an exposition is given separately in the context of Sutra literature, in the context of such tantras as Kālacakra and Guhyasamāja, and in the context of treatises on medicine. The ideas about the beings of the bardo are also revealed related to the description of the process of conception. Two chapters of the sixth part describe one of the most esoteric and mysterious subjects of Tibetan Buddhism namely the subtle body consisting of channels winds and drops. Its structure is given separately in terms of canonical tantras and in terms of medical treatises.

Based on the overall shape of the book, it should be said that the first volume of the four-volume series “Science and Philosophy in The Indian Buddhist Classics” meets the requirements for contemporary academic publications. As a wish for future volumes, I would like to express that for academic literature the validity and consistency of all elements of the presentation are of primary importance. And, for

instance, while comparing the ideas of Madhyamaka with the principles of quantum mechanics [The Physical World, pp. 201, 205] looks attractive on the level of the worldview, for a precise exposition, this idea requires a very thorough justification which now the reader can only expect to meet in the following volumes on philosophy. Because for a scientific worldview, it is essential to analyze and clearly distinguish between religious and mythological items, the topics of philosophical discussions and the historical context of the development of Buddhist ideas. Perhaps a clearer demarcation and clearer coverage and analysis of these aspects in the following presentation would help to make it even more meaningful.

To conclude my message, I would like to say that Russian translation of volume 1 of “Science and Philosophy in The Indian Buddhist Classics” is going to be published soon in Nalanda Series of Save Tibet Foundation.

References

Dalai Lama (conceived and introduced by), Thubten Jinpa ed. by. *Science and Philosophy in the Indian Buddhist Classics, Vol. 1, The Physical World*. Trans. By Ian Coghlan. Simon&Shuster, New Delhi, 2018, 521 p.

Hakuju Ui, Munetada Suzuki, Yensho-Kanakura [And] To-Kan Tada ed. by. *A Complete Catalogue Of The Tibetan Buddhist Canons (Bhah.-H.Gyur And Bstan-H.Gyur)*. Sendai Tohoku Imperial University Aided by Saito Gratitude Foundation 1934, 702 p.

S. Kachru. *Review of “Science and Philosophy in the Indian Buddhist Classics. Vol. 1 The Physical World.”* January 11, 2019. URL: <http://readingreligion.org/books/science-and-philosophy-indian-buddhist-classics-volume-1> (accessed: 24.05.2020).

M. Siderits and S. Katsura. *Nāgārjuna’s Middle Way*. Wisdom Publications, 2013, 368 p.

Переводы с тибетского: принципы, цели, методы, история и современность

Восток. Афро-азиатские общества: история и современность, 2020. Выпуск 4. С. 169–179 [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080010765-8-1/> (дата обращения: 31.10.2020). DOI: 10.31857/S086919080010765-8

Источники, общие критерии и методология исследования

Историографическое исследование накопленного поколениями тибетологов опыта потребовалось автору при переводе классического произведения тибетской литературы «Драгоценное украшение Освобождения» Гампопы Сёнама Ринчена (sGam po ra bsod nams rin chen, 1079–1153). Выполнение этой цели влечет за собой осмысление проблемы периодизации процесса перевода тибетской литературы. На основе понимания этого исторического процесса излагаются отвечающие современным требованиям принципы перевода с тибетского.

Во вступительной статье к сборнику материалов семинара по тибетским переводам редактор Добум Тулку выделяет четыре периода истории буддийских переводов:

1. Период влияния христианства (до начала XX в.), когда «переводы... содержали высочайшую степень христианского окрашивания в интерпретации оригинального материала переводимого текста» [Doboom Tulku, 2001, p. 2].
2. Использование ради понимания буддийских концепций некоторых других западных философских идей, в частности марксистских и кантианских (первая половина XX в. – И. Ф. Щербатской, Э. Конзе).
3. Обращение к новым концепциям западной мысли, разработанным З. Фрейдом, К. Г. Юнгом или в рамках лингвистического релятивизма (1950-е – начало 1990-х гг.) в работах, например, Г. Гюнтера.
4. Последний период, по мнению Добума Тулку, характеризуется тем, что «переводчики работают в тесном сотрудничестве с авторитетными тибетскими учеными... чтобы позволить буддийскому тексту заговорить... подлинно буддийским голосом» [Doboom Tulku, 2001, p. 5].

С начала 1990-х гг. международное сообщество тибетологов проделало грандиозную работу по переводу, комментированию и исследованию тибетских текстов, причем подавляющая часть проектов осуществлялась как раз в рамках четвертого подхода. Нижеследующие выводы основаны на мнениях ведущих востоковедов, принявших участие в указанном семинаре. Учтены и дополнительные соображения об общих проблемах перевода, взятые из предисловий к публикациям ведущих английских переводчиков, где они излагали свои подходы к той или иной конкретной работе. Таким образом, для формулирования общих закономерностей и принципов подходов к переводу с тибетского языка автор использовал индуктивный метод, приведший его к ряду общих положений.

В качестве критерия оценки переводов с тибетского на русский язык принят историко-филологический подход в комбинации с аудиолингвальным методом объяснения текста носителем традиции. К началу 3-го тысячелетия в переводческой практике начали применяться неоструктуралистский и герменевтический подходы, превратившиеся ныне в стандартную практику.

Первоначальным и естественным направлением дискурса было обращение к старому опыту. Работы тибетских переводчиков VIII–XIII вв. с санскрита и китайского признаются образцовыми. За шесть веков перевода буддийских текстов в Тибете было признано три основных типа перевода: буквальный, смысловой и, что предпочтительнее, сочетание обоих [Konchog Gyaltzen, 1998]. Подобные подходы остаются актуальными и сегодня; они могут быть положены за основу общей концепции. Краткое описание идеальных требований к переводу с тибетского на западный язык можно подразделить на категории целей, средств и профессиональных качеств переводчика.

Целью перевода тибетского текста, обычно гуманитарно-религиозного содержания, для большинства переводчиков является полная и правильная передача учения в европейски ориентированную среду. Переводу подлежат не только лексические единицы в их смысловой совокупности, но и намерение автора, подчас указывающего на не выразимый словами смысл наряду с цепочкой интерпретаций последующей комментаторской традиции. Освоение богатейшего наследия в таком ключе потребует труда поколений специалистов.

На практическом уровне качественный перевод предполагает, что результирующий текст:

- близок к оригиналу в отношении терминологии, формулировок, жанра, стиля, исторического фона, особенностей авторской стилистики;
- отражает понимание терминов в соответствии с традицией, в рамках которой осуществляется перевод. Э. Наппер формулирует эту мысль так:

«...наиболее полезен перевод, являющийся вполне буквальным (но не бездумным), где термины переведены с точностью, позволяющей отразить в английском переводе сложные тибетские философские дискуссии» [Napper, 2001, p. 39]. Самый яркий пример – перевод термина *rigpa* (тиб. *rig pa*); понимаемый в других школах как «осознание», в традиции Ньингма / Дзогчен он имеет гораздо более глубокое значение «постижения, реализации, предельного присутствия»;

– применяет все релевантные средства целевого языка, избегая побочных коннотаций. «Воспроизведите исходные понятия (не слова) как можно ближе, используя минимум дополнений. Английские слова выбираются на основе улавливания чувства и силы, сообщаемых тибетскими словами, используемыми ламами в объяснениях» [Holmes, 1995, p. X];

– подходит уровню восприятия целевого читателя – «ученого или не совсем ученого» [Lindtner, 2001, p. 199];

– все же не является строго буквальным, допуская перефразирование, если оно применимо. «Точный перевод требует, в дополнение к передаче полного содержания, передачу его полного намерения» [Barzun, Gaff, 2003].

Средства идеального перевода представляют собой постоянно расширяющуюся систему за счет привлечения к анализу новых методов. На рубеже тысячелетий были предложены следующие меры:

– для начала использовать критически отредактированный текст. «Редактор должен попытаться представить свой текст в том виде, в каком он предположительно оставлен автором, редактором или переводчиком» [Lindtner, 2001, p. 197];

– работать в команде, где хотя бы один участник является носителем языка-источника, другой – носителем целевого языка, а также с помощью опытного редактора, владеющего обоими языками. «Стремящиеся стать переводчиками люди должны сначала изучить свой родной язык до уровня приемлемого литературного мастерства» [Singh, 2001, p. 21]. Это не только приносит удовлетворительный результат, но и приближает западного переводчика с его обычно индивидуалистической внутренней позицией к идеальной фигуре тибетского *лоцавы* – переводчика, обладающего великой ученостью и постижением истинной реальности, в духовной значимости близкого к *тулку* (тиб. *sprul sku* – «сознательно перерождающийся учитель»);

– использовать для перекрестных ссылок источники на основных буддийских языках, особенно на санскрите, пали, китайском;

– использовать как можно больше лексикографических источников;

– в рамках коллективной работы должны быть разработаны терминологические словари сначала для небольших групп, а затем в рамках определенной школьной традиции тибетского буддизма – Ньингма, Сакья,

Кагью или Гелуг. Параллельно и на следующем этапе в рамках общего консенсуса постепенно сближающегося на практике употребления терминов происходит частичная унификация общей буддийской терминологии. Пока же это не произошло, Патхак рекомендует использовать разнообразные формы перевода базовых терминов [Pathak, 2001];

- следует применять все доступные инструменты современных академических исследований – лингвистические, структуралистские, герменевтические, исторические, технические, компаративистские, которых, однако, недостаточно самих по себе;

- следует внимательно относиться к фрагментам, в которых прослеживается более одного уровня значения, или к игре слов, которая иногда может открывать новое измерение понимания;

- с буддийской точки зрения совершенно необходима прямая и чистая передача текста через чтение (тиб. *lung*) и устные объяснения квалифицированного учителя (тиб. *khrid*). Именно переводы с тибетского языка в силу тесной связи с циклом учений ваджраяны требуют включения непосредственного опыта, который не могут заменить даже самые высокие стандарты академического исследования. Сотни опубликованных за последние десятилетия монографий, следующих тренду тесной связи с квалифицированным носителем знания, доказывают верность такого подхода;

- вероятно, тщательно проверенный буддийский *срединный путь* был бы лучшим решением в отношении общих стандартов буддийского перевода, в котором отсутствуют личные, в том числе художественные, амбиции и необоснованные новшества, но в целом присутствует общее согласие имеющих отношение к теме специалистов;

- мотивация – не менее важная вещь, лежащая на границе между объективностью методов и субъективной позицией переводчика. Основываясь на взгляде и практике махаяны, переводчик усердно развивает профессиональные качества, а также следует указаниям конкретного ламы, если практикуется ваджраяна. Существенным, хотя не всегда соблюдаемым, моментом представляется необходимость получения переводчиком тантрических посвящений (санск. *abhiṣeka*, тиб. *dbang*), связанных с переводимым им текстом. Общим местом рекомендаций, связанных с практикой любого бодхисаттвы – последователя махаяны, является совет избегать забот о своей славе, богатстве и т. п. и поддерживать достижения коллег, что также частично совпадает с этическими принципами современного ученого.

Качества переводчика должны соответствовать искусности применяемых им средств, обозначенных выше. Этимологическая

составляющая титула *лоцавы* предполагает, что он или она далеко продвинулись по пути изучения, размышления и медитации, умеют объяснять, обсуждать и сочинять, а также проникательны, усердны и великодушны.

На практике это означает, что хороший переводчик имеет академическое (формальное) и традиционное (в тибетском понимании) образование и обладает необходимыми для конкретной работы знаниями по философии, грамматике, в специальных науках (например, истории или медицины), свободно ориентируется в стилях и диалектах языка, обладает значительным культурным багажом, что обычно достигается долгими годами обучения и практики.

Не менее важны знание родного языка и литературные навыки. Переводчик должен уметь адаптировать искусные средства и стили родной литературы к исходным качествам источника. Более того, переводчик чаще всего специализируется в определенной традиции тибетского буддизма и перелагает тексты в соответствии с интерпретацией этой традиции; он также способен передать свой опыт духовного развития в представляемом тексте. Особая награда в переводческой работе – теплое чувство встречи с «внутренним ламой», когда происходит своего рода творческое озарение, позволяющее проникнуть в замысел автора; в таком случае намерение автора передается читателю максимально эффективно.

Перевод как часть литературного процесса является произведением искусства. В нем должны присутствовать качества художественного произведения – гармоничности, идейной увлекательности, простора для сотворчества читателя. В случае буддийского произведения ему также следует быть частью некой традиции – подобно театральным, изобразительным, наконец, востоковедческим школам, в которых всегда подчеркивается преемственность манеры и методов от мастера к ученику.

Буддийское наследие огромно по объему, и тексты разных традиций тибетского буддизма требуют разного подхода. Большинство групп западных ученых изначально формировались, специализируясь на конкретных школах, таких как Переводческая группа Калу Ринпоче (*Kalu Rinpoche Translation Group*, Кагью); Институт и издательство Рангджунг Еше [*Ranjung Yeshe Institute; Ranjung Yeshe Publication*] (Ньингма – Кагью), Фонд Цадра [*Tsadra Foundation*] (Кагью); Американский институт буддийских исследований [*AIBS*], сосредоточившийся на переводах Тенгьюра.

Переводы 1991–2005 гг.

История тибетских переводов в России от начала и до рубежа 1990-х гг. представлена автором в статье [Ерохин, 2020], посвященной обзору

главных фигур сферы перевода и результатам их исследований в соответствии с периодизацией, предложенной в [Воробьева-Десятовская, Савицкий, 1972, с. 149], где рассмотрены: 1) ранний этап сбора материала (до 1829), 2) создание первых исследовательских центров в Санкт-Петербурге и Казани (1829–1880), 3) времена расцвета «петербургской школы», ставшей на рубеже XIX–XX вв. ведущим центром мировой буддологии, и, наконец, 4) десятилетия жестокого уничтожения и гонений в этой области науки, связанных с доминированием советской идеологии. Дальнейшее возрождение и развитие тибетоведения в начальный постсоветский период оказалось связанным с деятельностью практиков ваджраяны и следовало в фарватере общемировой тенденции сочетания скрупулезного академического подхода и тесного сотрудничества с носителями живой традиции буддийского знания.

В рассматриваемый ниже дальнейший период с 1991 по 2005 г. происходил процесс возрождения российской школы переводов с тибетского языка. С распадом СССР ситуация с отношением к буддийским учениям полностью изменилась. Научные исследования продолжались, но центр активности сместился в широкие слои общества: практикующие буддисты, объединенные в группы, создаваемые харизматичными буддийскими мастерами, остро нуждались в базовых текстах, которые массово переводились с западных языков, хотя эти переводы зачастую были неуклюжими и неточными. В Москве, Санкт-Петербурге и других крупных городах можно было обнаружить весь спектр буддийских традиций – от тхеравады и дзэна до почти всех тибетских школ.

Большая часть литературы первоначально, как правило, переводилась с английского языка, тем самым функционируя как «кликбез» для энтузиастов. Несмотря на недостаток компетентности переводчиков, множивших огрехи двойным переводом, рассматриваемые работы были весьма полезны, хотя обычно не имели ни научного аппарата, ни терминологического однообразия. По мере роста опыта и мастерства переводчиков качество этих публикаций повышалось, приближаясь к академическим стандартам.

Наиболее ярким примером такого развития стала деятельность основателей и сотрудников влиятельного журнала «Буддизм России» и издательства «Нартанг» во главе с А. А. Терентьевым. Представляя самую распространенную в России традицию Гелуг, они сосредоточились на книгах Далай-ламы XIV и осуществили монументальный проект перевода «Большого руководства к этапам Пути Пробуждения» (тиб. *lam rim chen mo*) [Цонкапа, 1994–2000], результаты которого во многом послужили образцом тщательности подхода к переводам классических буддийских произведений.

Работа, начатая в 1982 г., была выполнена А. Кугявичусом, учеником бурятского ламы Гомбо Цыбикова. В процессе перевода текст был улучшен благодаря устным комментариям геше Джамьянга Кьенце. В последних томах значительно выправился стиль: христианизмы, суховатость, канцеляризм ушли, уступая место более естественным конструкциям и терминам. В «Большом ламриме» использовался богатый и образный язык с оттенками архаичности, а тенденция использовать белый стих во многом добавила тексту элегантности. В ходе дискуссии касательно ключевых терминов, продолжающейся до наших дней, было предложено отказаться от крайних подходов как нивелирования, отсечения при переводе множественных значений исходного термина, так и мультиплицирования терминов с целью перевести только одно понятие [Кугявичус, 2002].

Поэтический талант М. Кожевниковой проявился в переводах ритуальных молитв и медитаций (см., например: [Калачакра, 2002]), выполненных точно, с подлинным чувством и ощущением языка, и в этом качестве могущих рассматриваться как – с оговорками – лучшие образцы в российской тибетологии. Еще один знаковый перевод с тибетского – важный буддийский текст Ю. Жиронкиной [Шантидева, 2000]; монументальное исследование тибетской живописи провел А. Терентьев [Терентьев, 2004].

Благодаря открытию границ в начале 1990-х гг. десятки буддистов смогли поехать в Индию для получения традиционного буддийского образования, ориентированного на западных мирян, под руководством квалифицированных тибетских учителей. Происходило и обратное движение: уже в 1991 г. при Иволгинском дацане в Бурятии был зарегистрирован буддийский институт «Даши Чойхорлин», где в первые годы его работы преподавали тибетцы.

В целом в среде традиционных российских буддистов Бурятии, Калмыкии и Тувы, организационно рассредоточившихся между Буддийской традиционной Сангхой России, Объединением буддистов Бурятии, «Ринпоче-Багша», «Майдар», Духовным управлением буддистов России (только в Бурятии), а также калмыцкими и тувинскими организациями, сложилась сложная ситуация. Подавляющее большинство последователей являются гелугпами, а поскольку буддийские ценности позиционируются как основа возрождения национального самосознания, переводы текстов и обучение сосредоточены на национальных группах последователей, особенно в Бурятии, что не способствует плодотворной переводческой деятельности на русском языке.

Исключением являются группы учеников геше Джампы Тинлея (род. в 1962 г.), тибетца по рождению. В его лице возрождается традиция изложения учения Будды носителем линии передачи, как в случае с П. Бадмаевым

(1851–1920) и Г. Цыбиковым (1873–1930), изначально говоривших на языке источника, но излагавших ключевые тексты на русском языке; в данном случае на первый план выступает проблема владения целевым языком.

В 1995 г. в Элисте (Калмыкия) начал деятельность Международный буддийский институт Кармапы, чья программа состояла из курсов по философии, теории познания и тибетскому языку и продолжалась до 2002 г. Из переводов с тибетского в рамках школы Карма Кагью следует отметить публикации текстов Гампопы (Гамбопы) «Драгоценное украшение Освобождения» [Гампопа, 2001] и переводы Б. Загуменного [Гамбопа, 2001], [Атиша, 1995] и [Нагарджуна, 1995].

В начале 1990-х гг. традиция Ньингма была представлена активным сообществом практикующих Дзогчен под руководством Намкхая Норбу Ринпоче (с 1992 г.), а также группами *кхенпо* Палдена Шераба и Цеванга Донгьяла (с 1993 г.). Сопоставимым влиянием с «Буддизмом России» пользовался журнал «Гаруда». Тринадцать номеров (1991–1998) было издано под руководством В. М. Монтлевича, известного ученика Б. Д. Дандарона. Ему удалось объединить нескольких талантливых переводчиков, чьи добросовестные работы отражали новые веяния времени, – В. Е. Ушакова,

С. Э. Короткова, А. М. Донца, Т. В. Науменко, А. Ю. Матвеева, А. И. Бреславца, В. Кучевасова, А. Кочарова. Позднее существенным вкладом в понимание буддийской философии явился перевод А. М. Донца основополагающего трактата по *мадхьямаке* [Чандракирти, 2004].

Другими примерами адекватного перенесения тибетского наследия на российскую почву в рамках объединения академического и традиционного подходов является деятельность ньингмапинских лам Баира Очирова и Сонома Дордже. Первый в 1991 г. окончил Буддийский университет в Улан-Баторе и опубликовал некоторые тексты [Мачиг, 1996] и [Карма Чагме, 1999]. Не менее значительным стало появление переводов Сонома Дордже (Олега Позднякова), проведшего три года в непальском отшельничестве. Его переложения [Лонгчен, 2002; Сонам, 2003; Смерти вопреки, 2003] сумели сохранить не только букву, но и дух сложнейших идей, связанных с практиками этой древней школы. В своей дальнейшей духовной карьере оба ламы в большей степени посвятили себя непосредственной учительской деятельности, чем переводам. В то же время началась преподавательская деятельность Тамары Илюхиной, ставшей в наше время одним из самых влиятельных преподавателей тибетского языка. На рубеже тысячелетий также начинал свою деятельность Николай Ахмеров, тесно связанный с традицией Бон, ставший одним из лучших устных переводчиков. Он опубликовал немало текстов и недавно также получил статус ламы.

Движение Рима в конце описываемого периода только начинало свои проекты собирания текстов, создания учебных программ и кодировок для цифровой обработки тибетской письменности. Недостаток финансирования и обученных кадров не позволил этому амбициозному проекту развернуться полностью, однако в ходе его осуществления было достигнуто множество полезных промежуточных целей [www.buddism.ru].

Традиция Сакья в области тибетских переводов в описываемое время была представлена Р. Н. Крапивиной, одной из зачинательниц нового подхода сотрудничества с носителями тибетской схоластической традиции в академических учреждениях. Ее переводы [Соднам-Цзэмо, 1994; Туган, 1995] представляют собой яркий пример перехода от третьей к четвертой фазе развития по периодизации, предложенной Добумом Тулку. Позднее Крапивина сосредоточилась на монументальной задаче перевода «Абхисама-аланкары», выполнявшегося в тесном сотрудничестве с геше Джямьянгом Кхьенце.

Петербургская школа (Восточный факультет СПбГУ и Институт восточных рукописей РАН) оказалась более продуктивна в издании тибетских источников по сравнению с Московским институтом востоковедения РАН и Институтом стран Азии и Африки МГУ. Среди наиболее плодотворных и влиятельных ученых-востоковедов петербургской школы следует упомянуть такие имена, как А. В. Парибок, В. И. Рудой, Е. П. Островская, Е. А. Торчинов, Е. И. Кычанов; их работы в основном базировались на источниках на пали, санскрите и китайском языках, и, таким образом, они выпадают из темы нашего исследования. Тем не менее их влияние на тибетологию также значительно, а деятельность М. И. Воробьевой-Десятовской, Л. С. Савицкого, Р. Н. Крапивиной, А. В. Зорина создала связующее звено между «старым» и «новым» тибетоведением России.

Подавляющее число публикаций ИВ РАН и ИСАА было также ориентировано на китайскую, санскритскую и другие ветви буддологии. Тибетские исследования остались на периферии. Всё же расширившиеся возможности контактов с изучаемой страной весьма способствовали прогрессу исследований в русле идей, парадигм и методики западной науки. В монографиях В. П. Андросова [Андросов, 2001] «системный историко-текстологический метод» [Андросов, 2000, с. 10] применяется в основном к жизни и творчеству Нагарджуны и Будды Шакьямуни, исследуемых в основном на санскритском материале. Это обобщение ключевых идей, выдвинутых главными фигурами буддизма и осознаваемых в исторической перспективе, послужило энциклопедическим основанием дальнейших российских исследований сердцевины *махаяны*, классических текстов

мадхьямаки. Аспекты буддийской теории познания анализировались в монографиях Н. А. Канаевой и Э. Л. Заболотных [Канаева, Заболотных, 2002], а раннему буддизму посвящено учебное пособие В. Г. Лысенко [Лысенко, 2003]. Работа Б. У. Китинова [Китинов, 2004] открыла новые горизонты в истории калмыцкого (ойратского) народа и его связи с различными школами тибетского буддизма.

В начале 1990-х гг. исследователи Бурятского института общественных наук и Сибирского отделения Академии наук продолжали работать в основном в историческом, медицинском и фольклорном направлениях тибетологических исследований. Наиболее известными авторами и переводчиками, работавшими там и в Новосибирском отделении РАН в описываемый период, являлись Н. В. Абаев, Т. А. Асеева, Б. Д. Бадараев, А. А. Базаров, Э. Г. Базарон, Н. Д. Болсохоева, И. Р. Гарри, Б. Б. Дампилон, Д. Б. Дашиев, А. М. Донец, Р. Н. Дугаров, Ю. Ж. Жабон, А. А. Кособуров, Р. Е. Пубаев, В. Н. Пупышев, С.-Х. Д. Сыртыпова, И. Ф. Урбанаева, Н. В. Цыремпилов, многие из которых продолжают свою плодотворную деятельность до настоящего времени. Бурятские ученые создали значительный корпус переводов и исследований тибетской медицины (Бурятский филиал РАН является ведущим центром этого сектора гуманитарной науки – см., например, [Парфионович, 1994]).

Следует отметить, что академический подход российских школ позиционировал себя в рамках «объективной» оценки, достигаемой посредством историко-лингвистических методов, и в этом отношении отставал от укоренившейся к тому времени тенденции рассматривать культурное наследие в субъективно-ориентированной перспективе парадигм постиндустриального общества, в котором буддийские идеи занимают всё более значительное место. Качественный и количественный уровень публикаций на западноевропейских языках по сравнению с российским был и остается несопоставимым.

Современное положение

Большинство вышеупомянутых работ заслуживает тщательного разбора, представляющегося слишком объемным для одной статьи. Временная граница этого краткого обзора обозначена 2005 г., но эта дата не обусловлена каким-либо знаковым событием в российской тибетологии. Развитие шло дальше, и за последовавшие пятнадцать лет появилось множество прекрасных переводов, сформировались новые кластеры переводчиков с тибетского, связанных с другими школами тибетского

буддизма (Джонанг, Бон, Дрикунг и Другпа Кагью), совершенствовались методика и качество переводов.

Все ускоряющийся процесс развития мира и представлений о нем приводит мыслителей к рассмотрению новой парадигмы постиндустриального общества, развивающегося по закономерностям сетевого взаимодействия (см.: [Alekseev-Apraksin, Erokhin, 2019], приметы которого явно прослеживаются и в наблюдаемом процессе формирования и взаимодействий групп переводчиков, тем более что идея сетевой организации мира эксплицитно и имплицитно присутствует во многих буддийских текстах.

Начиная с 2005 г. число опубликованных переводов с тибетского и на английском, и на русском языках постоянно росло, однако объем предстоящей работы все еще представляется огромным: по данным наиболее эффективного и масштабного проекта «84 000. Translating the Words of the Buddha», запущенного в 2009 г., на английский сейчас переведено лишь 19,9% тибетского Кангьюра и еще 22,8% текстов находится в работе¹.

При этом срок перевода двух главных собраний канонических текстов прогнозируется длиной в сто лет. Стандарты и процедура перевода, установленные комитетами проекта [Editorial Policy, 2020], на сегодняшний день представляются образцовыми и могут быть рекомендованы как таковые.

Другой проект, Буддийский центр оцифрованных источников [BDRC], за двадцать лет своей деятельности революционизировал доступ к источниковедческой базе тибетской литературы, предоставив ученым, религиозным деятелям и переводчикам доступ к 15 000 000 отсканированных страниц. Сейчас этот ресурс с его богатыми возможностями поиска текстов, персоналий и географических сведений является наиболее востребованной исследователями платформой.

Заключение

Исследование опубликованных за последние пятнадцать лет переводов на русском языке, как и теоретические и практические основы перевода, представляет собой отдельную задачу, начало решения которой было положено на Первой всероссийской конференции переводчиков буддийских текстов в 2018 г. [*Сохраним Тибет!* 2018]. Пребывая в ожидании второй такой конференции, ожидаемой осенью 2020 г., автор остается в убеждении, что важнейшей чертой успешного перевода с тибетского языка следует признать сотрудничество с «живой» комментаторской традицией при переводе и исследовании текстов как неотъемлемой характеристикой, присущей буддийской системе передачи знаний. Без этой составляющей

сухое академическое изучение литературы ваджраяны, крупнейшим репозитарием которой является тибетское наследие, представляется автору ущербным. Поэтому следует признать перспективным сближение позиций ученых и независимых переводчиков, где у первых наблюдается стремление к сотрудничеству с носителями традиционной учености, что следует главной тенденции развития западного тибетоведения, а вторые постепенно оснащают свои работы академическим аппаратом и всё в большей степени используют научные методы.

Библиография

1. Андросов В. П. Буддизм Нагарджуны. М.: Вост. лит. РАН, 2000.
2. Андросов В. П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. М.: Вост. лит. РАН, 2001.
3. Атиша. Драгоценные четки бодхисаттвы. Пер. Б. Загумённова. СПб.: Алмазный путь, 1995.
4. Воробьева-Десятовская М. И., Савицкий Л. С. Тибетоведение. Азиатский музей – ЛОИВ АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 149–176.
5. Гамбопа Дже. Драгоценные четки для высшего пути. Пер. и комм. Б. И. Загумённова. СПб.: Карма Йеше Палдрон, 2001.
6. Гампопа Дже. Драгоценное украшение Освобождения. Пер. Б. Ерохина. СПб.: Уддияна, 2001.
7. Ерохин Б. Р. История переводов с тибетского на русский (1720–1991): прерванные взлеты. Религиоведение. 2020. № 1. С. 73–82 (в печати).
8. Калачакра. Практика Круга Времени – Калачакра. Пер. с тибетского М. Кожевниковой. СПб.: Нартанг, 2002.
9. Канаева Н. А., Заболотных Э. Л. Проблема выводного знания в Индии. Логико-эпистемологические воззрения Дигнаги и его идейных преемников. М.: Вост. лит. РАН, 2002.
10. Карма Чагме Арага. Путь через врата смерти. Пер. Б. Очирова. Улан-Удэ: Кундроллинг, 1999.
11. Китинов Б.У. Священный Тибет и воинственная степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: КМК, 2004.
12. Кугявичус А. Контекстуальные границы унификации перевода буддийского термина. Буддизм России. 2002. № 35. С. 89–92.
13. Лонгчен Рабджам. Драгоценная Сокровищница Дхармадхату. Пер. Ламы Сонома Дордже. Киев: Ника-центр, 2002.
14. Лысенко В. Г. Ранний буддизм: религия и философия. М.: ИВ РАН, 2003.
15. Мачиг Лабдон. Отсекая надежду и страх. Пер. Б. Очирова. Улан-Удэ: [б.и.], 1996.

16. Нагарджуна Ачарья. Послание к другу. Пер. Б. Загумённого. СПб.: Алмазный путь, 1995.
17. Парфионович Ю. М. (ред.) Атлас тибетской медицины: Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII в. «Голубой берилл». Пер. Т. А. Асеевой и др. М.: Галактика-Галарт, 1994.
18. Смерти вопреки. Антология секретных учений о смерти и умирании в традиции Дзогчен тибетского буддизма. Пер. и комм. Ламы Сонама Дордже. М.: [б.и.], 2003.
19. Соднам-Цзэмо. Дверь, ведущая в учение. Пер. Р. Н. Крапивиной. СПб.: Дацан Гунзэчойнэй, 1994.
20. Сонам Дордже. Откровения тибетских отшельников. М.: Ориенталия, 2003.
21. Сохраним Тибет! Центр тибетской культуры и информации. Progr. конф. переводчиков буддийских текстов «К русскоязычному буддийскому канону» <http://savetibet.ru/2018/10/24/translation-conference.html> (дата обращения: 08.06.2019).
22. Терентьев А. А. Определитель буддийских изображений. СПб.: Нартанг, 2004.
23. Туган Лопсан-Чойкьи-Ньима. Хрустальное зеркало философских систем. Глава Сакьяпа. Пер. Р. Н. Крапивиной. СПб.: Дацан Гунзэчойнэй, 1995.
24. Цонкапа Чже. Большое руководство к этапам пути пробуждения. Тт. I–V. Перевод А. Кугявичуса. СПб.: Нартанг, 1994–2000.
25. Чандракирти. Введение в мадхьямику. Пер. А. М. Донца. СПб.: Евразия, 2004.
26. Шантидева. Путь Бодхисаттвы (Бодхичарья-аватара). Пер. Ю. Жиронкиной. СПб.: Карма Йеше Палдрон – Уддияна, 2000.
27. AIBS. American Institute of Buddhist Studies. <http://aibs.columbia.edu>. (accessed: 07.06.2019).
28. Alekseev-Apraksin A., Erokhin B. Network Paradigm in Buddhist Studies. Religiski-filozofiski raksti XXV (Religious-Philosophical Articles). Riga: University of Latvia, 2019. Pp. 305–319.
29. Barzun J., Gaff H. Difficulties and Dangers of Translation. The Modern Researcher. Boston: Houghton Mifflin Company, 2003. Pp. 243–255.
30. BDRC – Buddhist Digital Resource Center. <https://www.tbrc.org/> (accessed: 08.06.2019).
31. Doboorn Tulku. Introduction. Problems and Perspectives. Delhi: Manohar, 2001. Pp. 1–13.
32. Editorial Policy. 84 000 Text Critical Guidelines for Translators. January 2020. 84000. Translating the Words of the Buddha. <http://84000.co/ensuring-translation-quality/> (accessed: 06.06.2019).

33. Holmes Ken, Holmes, Katia. Preface. Gampopa Je. Gems of Dharma, Jewels of Freedom. Forres: Alteya Publishing, 1995. Pp. VII–XXV.
34. Konchog Gyaltzen. Preface. Gampopa. The Jewel Ornament of Liberation. Ithaka, New York: Snow Lion, 1998 Pp. 12–42.
35. Lindtner C. Editors and Readers. Buddhist Translations: Problems and Perspectives. Delhi: Manohar, 2001. Pp. 193–204.
36. Napper E. Styles and Principles of Translation. Buddhist Translations: Problems and Perspectives. Delhi: Manohar, 2001. Pp. 35–42.
37. Pathak S.K. Some Formulae for Translating: Buddhist Texts from Tibetan. Buddhist Translations: Problems and Perspectives. Delhi: Manohar, 2001. Pp. 43–58.
38. Ranjung Yeshe Institute. <https://www.ryi.org> (accessed: 07.06.2019).
39. Ranjung Yeshe Publication. <http://www.rangjung.com>. (accessed: 07.06.2019).
40. Singh S.N. Buddhist Translations: Problems and Perspectives. Buddhist Translations: Problems and Perspectives. Delhi: Manohar, 2001. Pp. 20–34.
41. Tsadra Foundation. <http://tsadra.org>. (accessed: 07.06.2019).

О переводе некоторых тибетских терминов

В этом докладе рассматривается проблема перевода на русский язык:

1. «Тире».
2. Три вида несуществования сущности в философии Читтаматры.
3. Особых базовых терминов.

1. Об использовании тире:

Два примера:

1) «Сутра сердца Праджняпарамиты»:

«Материальное (рупа) – пусто (тиб. gzugs stong pa'o). Пустота – материальное (stong pa nyid gzugs so). Материальное не является чем-то иным по отношению к пустоте (gzugs las stong pa nyid gzhan ta yin). Пустота не является чем-то иным по отношению к материальному (stong pa nyid las kuang gzugs gzhan ta yin po)».

2) «Средний ламрим»¹:

«Мадхьямакаватара» (6.132):

Поскольку Наставник (Будда) сказал: «Скандхи – Я (phung po bdag go)»,

Постольку признают скандхи [за] Я.

Но это – отрицание Я, много по отношению к скандхам.

То есть [в Сутре] сказано: «Шраманы и брахманы, рассматривающие Я и Моё, рассматривают лишь эти пять скандх». Так говорится о том, что существование Я, отличного по сущности от скандх, в качестве осознаваемого во врожденном восприятии-признании я, отрицается звуком (словом) “лишь”».

Отношение через тире означает тождество по сущности, то есть отрицание инаковости (отличия по сущности), так как материальное и пустота материального тождественны по сущности², а также индивид и скандхи тождественны по сущности.

Можно ли тире заменить здесь («Материальное (рупа) – пусто. Пустота – материальное (рупа)», «Скандхи – Я») на слово «является»?

Материальное является пустым? Да.

¹ Тиб. byang chub lam gyi gim pa. Автор: Цонкапа Лобсанг Драгпа (tsong kha pa blo bzang grags pa). Стр. 357 тибетского текста PDF в европейском формате из 438 страниц. Выходные данные текста неизвестны.

² Кедруб Чже (mkhas grub rje dge legs dpal bzang po), «Тонтун ченмо» (dbu ma'i stong thun skal bzang mig 'byed ces bya ba bzugs so), стр. 230А в электронном тексте (543 стр., выходные данные неизвестны, текст любезно предоставлен ТВРС) или 152А в бумажном тексте (179 стр., выходные данные неизвестны): «Следовательно, две истины тождественны по сущности».

Материальное является пустотой? А. М. Донец. «Срединное познание в буддийской традиции Гелуг»³:

«В традиции Дигнаги-Дхармакирти непосредственно воспринимаемую вещь именуют “собственным признаком”. Это свидетельствует о том, что дхарма мыслится буддийскими философами как в известном смысле тождественная своему признаку»⁴.

С этой, определенной, точки зрения материальное является пустотой.

Если так, тогда предположим, что материальное является своей абсолютной истиной⁵, так как является своей пустотой.

В традиции Гелуг согласие с тем, что материальное является своей абсолютной истиной, невозможно, так как в «Среднем ламриме» сказано⁶: *«Хотя росток и является пустым от своей истинности [наличия], но своей абсолютной истиной не является».*

В вышестоящем выводе не охватывается (хотя материальное является своей пустотой, но при этом не обязательно, что оно является своей абсолютной истиной).

Тогда приходим к тому, что если нечто является пустотой, оно не охватывается тем, что является абсолютной истиной (т. е. оно не обязательно является абсолютной истиной)⁷.

³ Донец А. М. «Срединное познание в буддийской традиции Гелуг», Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2016, стр. 42. Сноска к этому предложению: *Ф. И. Щербатской указывает в связи с этим: «Если мы говорим: “Земля имеет запах и т. д.», то это лишь несоответствующее выражение; мы должны бы сказать: «земля есть запах и т. д.»» [1988, с. 133].*

⁴ См. «Обширное объяснение философских систем» Чжамьяна Шепы с автокомментарием («Думта ченмо», тиб. grub mtha' chen mo, полное название: «Объяснение философских систем: Солнце страны Самантабхадры, ярко освещающее все наши собственные и чужие философские системы и смысл глубинного (пустоты), Море авторитетных текстов и доказательств, исполняющее все чаяния всех существ», тиб. grub mtha'i rnam bshad rang gzhan grub mtha' kun dang zab don mchog tu gsal ba kun bzang zhing gi nyi ma lung rigs rgya mtsho skye dgu'i re ba kun skong zhes bya ba bzhugs so), стр. 240: *«То, что способно выполнять функцию, оно принимается как собственный признак»*, стр. 242: *«Если [возражают]: “Та [способность] существует у всего”, тогда общий признак [будет тем], за [чем] следует ум [и будет верно] обратное, но [этого] не видим, поэтому [общий признак] не является [имеющим эту способность]»*, См. «Заметки к Думта ченмо» Нгаванга Палдена (тиб. grub mtha' chen mo'i mchan 'grel dka' gnad mdud grol blo gsal gces nor), dngos, пуа, 72.7: *«Так как два предмета рассмотрения, то и верных познаний [также] два. Так как [предметы рассмотрения] – способное выполнять функцию и не способное». «Так как [один из них – общий признак] подобен [чему-то], а [другой] не подобен, и так как [один из них – общий признак – является] объектом [называющего] звука, а [другой] не является [таким] объектом».*

⁵ Донец А. М. «Учение об истине в философии школы Мадхьямика-прасангика традиции Гелуг», Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2012, стр. 355: *«Абсолютная истина (тиб. don dat bden ra) – предмет, обнаруживаемый верным познанием при проведении конечного исследования».* Материальное не является предметом, обнаруживаемым верным познанием при проведении конечного исследования, так как является относительной истиной.

⁶ Стр. 388 тибетского текста PDF из 438 страниц. Выходные данные текста неизвестны.

⁷ См. прим. 5.

С этим можно согласиться, так как в «Среднем ламриме» сказано⁸: «То есть объясняется, что при явлении синего [цвета] и тому подобного явлена его пустота от истинности [наличия]⁹. Она не является тем, что явлено в сознании глаза и прочих [сознаниях органов чувств] как лишь полное отсечение (устранение) [отсекаемого и отрицаемого – существующего истинно], опровергающее существующее истинно, а подразумевается [здесь] отрицание [типа] “не является”¹⁰, постольку подобное этому [отрицание] является признаком относительного, но [это] совместимо с тем, что пустота – лишь отсечение (устранение) истинности [наличия] – абсолютная истина».

Пустота является материальным? Нет. Сутра «Вопросы Сувикранта-викрамина»¹¹: «Что является другой стороной материального, то не является материальным. Какова другая сторона материального, таково и материальное».

Скандхи являются Я? Нет. Скандхи являются основой признавания (gdags gzhi)¹² индивида, а индивид – признаваемой дхармой (btags chos). «Ламрим

⁸ Стр. 412 тибетского текста PDF из 438 страниц.

⁹ Тиб. bden stong. Отрицаемое пустотой здесь – «истинность наличия» («имеющее место истинно») – bden grub.

¹⁰ Тиб. ma yin dgag. Агван Таши (ngag dbang bkra shis), «Ожерелье знатоков, исполняющее все чаянья счастливых» (tshad ma'i dgongs 'grel gyi bstan bcos chen po rnam 'grel gyi don gcig tu dril ba blo rab 'bring tha ma gsum tu ston pa legs bshad chen po mkhas pa'i mgul bryuan skal bzang re ba kun skong zhes bya ba bzhus so, электронная версия, 318 стр., выходные данные текста неизвестны, текст любезно предоставлен TBRC), стр. 134Б: «Признак отрицания [типа] " не является" (ma yin dgag) существует, так как им является отрицание, которое попутно с отрицанием собственного отрицаемого звуком, называющим саму эту [дхарму], выдвигает иную дхарму – одно из [двух]: отрицание [типа] " не является" или утверждение (тиб. rang zhes brjod pa'i sgras rang gi dgag bya bkag shul du chos gzhan ma yin dgag dang sgrub pa gang rung 'phen pa'i dgag pa)».

¹¹ Донец А. М. «Святая Сутра Махаяны «Вопросы Сувикранта-викрамина». Объяснение праджня-парамиты», Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2009, стр. 54.

¹² См. прим. 22 и 23. Донец А. М. «Учение об истине в философии школы Мадхьямика-прасангика традиции Гелуг», Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2012: «То, что существует не благодаря собственному бытию, а в зависимости от другого, прасангики называют существующим условно (праджняптисат; btags yod) и характеризуют как то, существование чего является признаваемым-полагаемым в связи и по отношению к другому (gzhan la brten nas btags, gzhan la ltos te btags) – некоторой основе признавания (gdags gzhi). Этот тибетский термин употребляется прасангиками также в значении “основа наименования”. Например, хотя подлинная колесница (имеющая место истинно) и отсутствует, но есть ее “основа наименования” – совокупность колес, оси и других составляющих, в связи и по отношению к которым употребляется наименование “колесница”. При определении чего-то в качестве существующего условно нередко используется когнитивный критерий, согласно которому (по)знание существующего условно – в отличие от существующего субстанционально – требует знания чего-то другого [Дадахан Тугчже, 1969, л. 25]. Например, познание дхармы “синее” не требует знания чего-то иного, поэтому она существует субстанционально. А познание колесницы невозможно без знания колес, оси и других ее частей, вследствие чего она должна быть

ченмо»¹³: «По нашей же системе ... форма совокупности составных элементов является основой признавания колесницы, а поскольку колесница является признаваемой дхармой, которая признается в отношении этой [формы], постольку [одну] лишь эту [форму мы] не считаем колесницей. Поэтому при отрицании того, что форма совокупности [составных элементов] является колесницей, к отрицаемому тоже не требуется присоединять особенность (форма, “имеющая место истинно” и т. д.)».

«Средний ламрим»¹⁴: «В этой Сутре собрание скандх излагается как основа признавания (именования) (gdags gzhi) индивида. Но основа признавания не приемлема в качестве [самой] признаваемой дхармы (btags chos), [которая признается, опираясь на эту основу]. А поскольку собранием скандх должны считаться оба: и одновременное (теперешнее), и предыдущее с последующим собрание, то неприемлемо полагать индивидом поток собрания скандх. А если собрание [скандх] полагается основой признавания, то обладатель собрания [скандх] также полагается основой признавания, поэтому они оба не логичны в качестве индивидов».

Поэтому здесь неприемлемо заменять тире на неопределенное (не идентифицированное с определенным тиб./санскр. термином) слово «есть» (например, «скандхи есть Я»), так как тогда возникает ошибочная ассоциация со словом «является».

2. О переводе трех видов несуществования сущности в отношении трех природ-признаков в философии Читтаматры.

Кедруб Чже. «Тонтун ченмо»¹⁵: «Также, способ объяснения подразумеваемой [мысли] в Сутрах среднего [поворота] колеса [Дхармы в соответствии с] Сутрой "Сандхинирмочана" таков. Когда в Сутрах второго [поворота] колеса [Дхармы], таких как [Сутры] Праджняпарамиты, говорится, что сущность всех дхарм не существует¹⁶, то это говорится исходя из подразумеваемой [мысли], что [у] парикальпиты не существует сущность [собственного] признака, что [у] паратантры не существует сущность рождения [из себя] и что паринишпанна – [это] несуществование сущности в абсолютном [смысле]».

признана существующей условно. “Основа признавания” как раз и служит тем, знание чего является условием познания существующей условно вещи».

¹³ Пятымное издание текстов по ламрим на тибетском языке byang chub lam gyi rim pa'i khrid yig, Yongzin Lingsang Labrang, 2012, первый том, стр. 708.

¹⁴ Стр. 357 тибетского текста PDF из 438 стр.

¹⁵ Стр. 12А в электронном тексте (из 543 стр.) или 8Б в бумажном тексте (из 179 стр.).

¹⁶ Тиб. chos thams cad ngo bo nyid med.

В одном из двух способов установления несуществования сущности в отношении абсолютного словосочетание *don dam pa ngo bo nyid med pa* перевожу как *несуществование сущности абсолютного*, исходя из того, что это *несуществование сущности абсолютного* имеется у паратантры и при этом абсолютное – *осознаваемое, которое совершенно очищает от покровов*¹⁷, что не относится к паратантре (то есть паратантра не является таким осознаваемым). А во втором случае, по отношению к паринишпанне, это же словосочетание *don dam pa ngo bo nyid med pa* перевожу как *несуществование сущности в абсолютном [смысле]*, исходя из того, что сущность – Я не существует у дхарм в абсолютном смысле или с абсолютной точки зрения¹⁸.

Три вида несуществования сущности перевожу таким образом: *[y] парикальпиты не существует сущность [собственного] признака (kin brtags mtshan nyid ngo bo nyid med pa)*, *[y] паратантры не существует сущность рождения [из себя] (gzhan dbang skye ba ngo bo nyid med pa)* и *паринишпанна – [это] несуществование сущности в абсолютном [смысле] (yongs grub don dam pa ngo bo nyid med pa)*. Здесь видно, что построение тибетских предложений одинаково, а в переводе определение последней сущности (паринишпанна) отличается, как и в одном из двух способов установления абсолютного: «у паратантры не существует сущность абсолютного», хотя читать их в оригинале можно любым из этих способов. Однако если перевести «у паринишпанна не существует сущность – Я в абсолютном [смысле] (с абсолютной точки зрения)», то, на мой взгляд, смысл искажается и его понимание затрудняется, поскольку у всех трех признаков (природ) не существует сущность – Я в абсолютном смысле, что является их общим признаком. Поэтому перевожу иначе на основании того, что дхарма (в данном случае – паринишпанна) тождественна по сущности своему специфическому признаку (несуществованию сущности – Я в абсолютном смысле). Это же можно отнести и к двум другим признакам (например, «парикальпита – [это] несуществование сущности [собственного] признака»), но в их отношении, на мой взгляд, более понятным будет так: *[y] парикальпиты не существует сущность [собственного] признака*, *[y] паратантры не существует сущность рождения [из себя]*, поскольку несуществование сущности у этих двух признаков не является их специфическим признаком, поскольку их специфические признаки указываются в «Легшед нинпо»¹⁹:

¹⁷ Там же, стр. 13Б, 19Б в электронном тексте (из 543 стр.). «Покров» или «завеса» – тиб. *sgrib pa*.

¹⁸ Там же, стр. 13А в электронном тексте (из 543 стр.).

¹⁹ Тиб. *drang ba dang nges pa'i don dam par 'byed pa legs par bshad pa'i snying po* (автор: Цонкапа Лобсанг

«Если думают так: “Если парикальпита является несуществованием сущности [собственного] признака, то чем же является сама парикальпита?”

[Тогда следует ответить]: В “Сандхинирмочане” об этом сказано: “То, что установлено в отношении [1] [дхарм в] объектной [сфере] действия концептуального [познания как] местопребываний с признаком элементов-соединителей, [которым (местопребываниям) приписывается] признак парикальпиты²⁰, [2] в качестве имен и терминов-обозначений, [именующих] признаки сущности или же признаки частности²¹, [типа] ‘скандха материального’, а также установлено посредством имен и терминов-обозначений, [именующих] признаки сущности или же признаки частности, [типа] ‘рождение скандхи материального’ или ‘прекращение [этой скандхи]’, ‘отвержение скандхи материального’ или ‘полное познание [этой скандхи]’ – [это] признак парикальпиты”.

В этой [цитате] первых три предложения ([1]) [до «в качестве имен и терминов-обозначений»] указывают основу, которой приписывается парикальпита [– паратантру], а все остальное [в цитате] ([2]) указывает на способ [умозрительного] признавания-обозначения (способ установления парикальпиты) (*kun tu brtags tshul*). **Признавания (btags pa)²² [типа] «это – скандха материального» и [типа] «рождение скандхи материального» являются [примерами использования] способа признавания сущности и частных [качеств дхарм] или же особенностей [дхарм соответственно], что будет подробно объяснено [ниже].**

Если думают так: «Если паратантра является несуществованием сущности рождения [из себя], то чем же является паратантра?»

[Тогда следует ответить]: В “Сандхинирмочане” об этом сказано: “То, что [в] объектной [сфере] действия концептуального [познания является] местопребываниями с признаком элементов-соединителей,

Драгна), стр. 23 из тибетского текста в европейском формате из 346 стр., любезно предоставленного TBRC (work: W1KG24100, LCCN: 99950306)

²⁰ Тиб. rnam par rtog pa'i spyod yul kun brtags pa'i mtshan nyid kyi gnas 'du byed kyi mtshan ma la.

²¹ Тиб. ngo bo nyid dam bye brag gi mtshan nyid du ming dang brdar rnam par bzhas pa.

²² Тиб. btags – форма пр. времени от 'dogs, которое в форме буд. будет gdags. Основные значения: «признавание (признаваемое)», «обозначение», «условное», «приписывание», «именование» и пр. Далее в тексте этот термин будет использоваться в конструкции «ngo bo dang khyad par du btags pa». Перевожу его как «признавания в качестве сущностей и особенностей дхарм», хотя можно читать и как «признаваемое...», но такой перевод не подходит в некоторых случаях. Можно даже читать «признаваемые сущности и особенности дхарм», но такое прочтение будет далеким от оригинала. А перевод «обозначения в качестве сущностей...», «обозначения сущностями...» не годится, поскольку под парикальпитой, кроме «обозначения», понимается также и «обозначаемое», что будет указано в этом тексте ниже. Другое основание – не универсальность такого перевода (см. прим. 23). А указывать все варианты перевода слишком громоздко.

[которым (местопребываниям) приписывается] признак парикальпиты – [это] признак паратантры».

*[24] Первое [предложение – «в объектной сфере...»] указывает на то, объектом чего она является, второе («местопребываниями...») – на [нее как на] основу признавания парикальпиты (kun brtags kyi gdags gzhi)²³, а **третье («с признаком элементов-соединителей»)** – на собственную сущность [паратантры].*

И в «Ожерелье знатоков»²⁴ тоже указываются их признаки:

«Признак [существующего] в силу иного (паратантры) существует, так как им является действительное, не родившееся по собственной силе, но являющееся родившимся в силу иного – условий»²⁵.

«Существует способ установления того полностью признаваемого (парикальпиты) в отношении самого себя – [парикальпиты как некой] дхармы, так как подобно тому, как то материальное, имеющее место как независимое и существующее субстанционально, является полностью признаваемым в отношении материального, [или] то всеведение, имеющее место как независимое и существующее субстанционально, является полностью признаваемым в отношении всеведения, так и в [отношении] всех дхарм логика подобна».

Из чего видно, что паратантра и парикальпита являются «дхармами-утверждениями» (sgrub pa), а паринишпанна – «дхармой-отрицанием» (dgag pa)²⁶. Поэтому, исходя из того, что «несуществование сущности» – это

²³ Тиб. gdags gzhi, btags gzhi, 'dogs gzhi ('dogs pa'i gzhi) – в этих терминах используется один термин в разных формах (см. прим. 22). При этом сам этот термин (gdags gzhi) в представленных вариантах, согласно его употреблению в Читтаматре, может указывать на паратантру и на парикальпиту – в зависимости от присоединенных к нему определяющих слов и контекста. В сочетании с «именами», «наименованиями» и тому подобным его можно переводить как «основа обозначения именами (обозначаемая именами основа, основа именованья)». Однако, согласно этому тексту, это не будет универсальным переводом, поскольку такой перевод не будет охватывать существ, не знающих имен-терминов, у которых все же имеется парикальпита как 'dogs gzhi. Поэтому перевод этого термина как «основа признавания» более универсален. Можно было бы его переводить везде как «основа признавания-обозначения» для совмещения обоих вариантов, но в данном случае, в отношении паратантры, думаю, такой перевод («основа обозначения парикальпитой») будет запутывать, поскольку можно понять это так, что паратантра является тем, что обозначается как парикальпита, тем, что называется, именуется парикальпитой. Но это неверно. Поэтому здесь перевожу «основа признавания парикальпиты», где «признавание» ('dogs) можно понимать и как сокращение от «приписывания» (sgro 'dogs), и тогда весь термин будет читаться как «основа приписывания парикальпиты».

²⁴ Агван Таши. «Ожерелье знатоков, исполняющее все чаянья счастливых», стр. 120Б121Б.

²⁵ rkyen gzhan gyi dbang gis skye ba yin gyi rang bzhin gis mi skye ba'i dngos po de.

²⁶ Ра Сонам Вангъял (rwa bsod nams dbang rgyal). «Лучи солнечного света собрания [тем] коренных текстов» (bsdus gzhung nyi ma'i od zer) (книга в бумажном виде европейского формата, 560 стр., выходные данные неизвестны): «Некто сказал: Если [нечто] является отрицанием, [оно] охватывается [тем, что] является дхармой с присоединенным отрицающим словом в собственном подлинном имени ... Поэтому дхармата, полностью имеющее место

«дхарма-отрицание», на мой взгляд, в отношении парикальпиты и паратантры больше подходит перевод: [у] парикальпиты (дхармы-утверждения) не существует сущность [собственного] признака, [у] паратантры (дхармы-утверждения) не существует сущность рождения [из себя], нежели парикальпита (дхарма-утверждение) – [это] несуществование сущности [собственного] признака (дхарма-отрицание), а в отношении паринишпанна: паринишпанна (дхарма-отрицание) – [это] несуществование сущности в абсолютном [смысле] (дхарма-отрицание).

3. Про перевод особых базовых терминов. Если рассмотреть такие термины, как, например, *ldog pa*, то перевести его можно двумя способами:

1) Так, чтобы было понятно читателю, не изучавшему тему, посвященную этому термину и понятию, которое им обозначается, взяв наиболее подходящие и понятные на взгляд переводчика слова.

2) Так, чтобы оставить некий «знак» читателю, используя «знаковые» слова (непонятные сами по себе слова, но указывающие своей непонятностью на пробел в познании данной темы у читателя), такие как «обратно тождественное», «изолят», «идентичность».

И в обоих случаях, думаю, необходима сноска, ведущая к текстам, раскрывающим данную тему. В первом случае, на мой взгляд, у неискушенного в этой теме читателя, даже при наличии сноски с рекомендацией изучить данную тему, может сложиться ложное представление о правильном понимании перевода. Тогда как в действительности смысл перевода не будет понят адекватно. Такой перевод, на мой взгляд, подобен построению ширмы, занавеса на проходе в стене, которым этот проход, ведущий в неизведанное помещение, закрывается и тем самым скрывается от идущего мимо путника, тогда как автор переводимого текста использовал данный термин как раз для того, чтобы помочь путнику продвигаться по пути. И даже если указать в ссылке про то, что за ширмой есть неизведанное путником помещение, думаю, мало кто решится зайти туда, если посчитает, что ему уже все понятно по ширме. А второй вариант подобен оставлению прохода открытым, что, вместе со сноской, бросает вызов путнику к изучению неизведанного, к устранению пробела в познании данной темы.

(паринишпанна) и дхармадхату [на равне с пространством] выдвигаются как [выявляющие] ошибочность [такого мнения]».

Сведения об участниках конференции

Берхин Игорь Викторович
igor.berkhin@gmail.com

Переводчик с английского языка. Образование высшее математическое. Сотрудничает с Международной Дзогчен-Общиной, издательствами «Шанг Шунг», «Уддияна», «Нартанг».

Опубликованные работы

- Чогьял Намкай Норбу, Адриано Клементе. «Всевышний источник», коренная тантра дзогчен семдэ.
- Кусан Сыним. «Мудрость каменного льва».
- Валпола Рахула. «Чему учил Будда?».
- Лама Сопа. «Вкус Дхармы».
- Чогьял Намкай Норбу. «Сокровищница созерцания Ати» (главный редактор и один из переводчиков).
- Целе Нацог Рандол. «Светоч махамудры».
- «Слова и смыслы. О необходимости связи йогических текстов с устными наставлениями и практическим опытом».

Бузятов Евгений Игоревич
buziatov@gmail.com

Родился в 1984 г. в Москве. Окончил Высшую школу экономики (политология, кафедра публичной политики, магистратура, 2000–2006) и Институт Рангджунг Еше при Университете Катманду (тибетская философия и тибетский язык, бакалавриат, 2011–2014), учится в Гамбургском университете (тибетский язык и филология, магистратура, 2015 – наст. вр.). Работает главным редактором русскоязычной секции сайта StudyBuddhism.com (2008 – наст. вр.) и корректором в онлайн-программе «Тройное совершенство Тары» (<https://dharmafun.org/tte/>, 2011– наст. вр.). Также сотрудничает с буддийскими центрами Рангджунг Еше, ФПМТ – Ганден Тендар Линг, Тергар, в том числе переводит устно. В основном переводит с английского, с тибетским работает пока только в процессе написания диплома в Гамбургском университете и работал до этого во время обучения в Институте Рангджунг Еше. Публикуется в основном в интернете.

В настоящее время также переводит с тибетского языка на английский текст *Theg dgu spyi chings (Theg pa spyi bcings)* (англ. *Overview of the Nine Vehicles (Overview of the Vehicles)*); рус. *Обзор девяти колесниц (Обзор колесниц)*), автор – Ka-thog Dam-pa-bde-gshegs (англ. Kathog Dampa Desheg, рус. Катог Дампа Дешег).

Воронина Диана Кимовна
glaieul@gmail.com

Профессиональный конференц-переводчик. Выполняет последовательный и синхронный перевод, в том числе удаленный (из домашней студии). Работает с английским, французским и итальянским языками. В настоящее время активно изучает тибетский язык.

Опубликована статья «Первый фотограф Лхасы: публикация дневника О. Норзунова “Три поездки в Лхасу (1898–1901)” (перевод Д. К. Ворониной, комментарии Б. Л. Митруева)».

Выполнила стихотворное переложение «Восьми строф для тренировки ума».

Григорьев Игорь Владимирович
ivg21@rambler.ru

Получил высшее образование на физическом факультете Белорусского государственного университета (кафедра биофизики, 1989 г.) и факультете международных отношений Дипломатической академии МИД России (регионоведение, магистр, 2019). Кандидат биологических наук по направлению «биохимия» (2000 г.), свыше сорока научных публикаций, область научных интересов – психобиология человека, научные аспекты буддизма, научные подходы Запада и Востока к исследованию человека и природы. Принимал непосредственное участие в подготовке к изданию в 2018 г. книги В. С. Дылыковой «Калачакра-тантра» (1-я книга. Вселенная). Около десяти лет работаю в Исполнительном комитете СНГ, международной организации, выполняющей функции координатора сотрудничества между государствами – участниками СНГ.

Елинский Михаил Викторович
mikhailelinski@gmail.com

Окончил философский факультет СПбГУ по специальности «история зарубежной философии», там же защитил кандидатскую диссертацию по

специальности «онтология и теория познания». Кандидат философских наук. Переводит с английского. Сотрудничает с фондом «Сохраним Тибет». Переводы публикуются с 1996 г., автор монографии, учебного пособия по логике и статей в научно-философских журналах.

Ерохин Борис Романович
ou.omnilux@gmail.com

В 1992–2003 гг. с перерывами учился в The Karmapa International Buddhist Institute, New Delhi, India. Переводчик и преподаватель в том же институте (в 1995–2002 гг. в Калмыцком филиале, Элиста; в 2008–2010 гг. в Международном буддийском институте Кармапы, Нью-Дели, Индия). В 2010 г. получил диплом об окончании четырехлетней программы этого института.

Обладает многолетним опытом последовательного (тибетский, английский, русский) и синхронного перевода с английского на русский и наоборот, регулярно переводит лекции тибетских лам в России и за рубежом.

Сценарист и консультант фильмов восточной тематики: «Прозрачный Лама», 2007 (реж. А. Новикова); «Перерождение», РЕН-ТВ, 2008 (реж. А. Милославов); «Дыхание», 2009 (реж. И. Вырыпаев) и других. С 2001 г. ежегодно организовывал и проводил частные поездки-паломничества по буддийским местам Индии, Тибета, Непала и Бутана.

В настоящее время готовит к публикации два обширных путеводителя-исследования по буддийским местам Индии и Тибета.

Основные опубликованные работы:

- Гампопа. Драгоценное украшение освобождения. Пер. с тибетского. СПб.: Уддияна, 2001. 2-е изд.: СПб.: Карма Йеше Палдрон, 2005; 3-е изд.: СПб.: Уддияна, 2018.
- Сокровище Тибета. Буддийские методы в искусстве (ответственный редактор, автор). СПб. – Екатеринбург: издание автора, 2004.
- Джамгон Конгтрул Лодрѐ Тхае. Сокровищница познаваемого (раздел воззрений школы читтаматра). Пер. с тибетского. В. А. Орлов. Читтаматра. М.: Шечен, 2005.
- Tibetan Translations in Russia (www.scribd.com), 2007.
- Паломничество как буддийская практика: тантрический аспект. В сборнике: Буддизм ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию. Материалы 2-й научной конференции. М.: Алмазный путь, 2012. С. 753–766.

- Врата двух накоплений. Сборник молитв-пожеланий Великого Мёнлама Кагью (русская версия, пер. с тибетского) [б. м.]: Комитет русского перевода Мёнлама Кагью, 2014.
- Теплое дыхание дакинй. В сборнике: Буддизм ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию. Материалы 3-й научной конференции (Владивосток). В печати.
- Вангчуг Дордже, Кармапа IX. Краткая Махамудра. В сб.: Смотри в природу ума. Классический учебник по практике Махамудры. Пер. с тибетского. М.: Ориенталия, 2014.
- Дзамгён Конгтрул Лодрё Тхае. Светоч уверенности. Пер. с тибетского. Москва: Ориенталия. 2017.

Жиронкина Юлия Станиславовна
savetibetrussia@yahoo.com

Директор фонда содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма «Сохраним Тибет».

Профессиональный переводчик с английского. С 1994 по 1998 г. обучалась на факультете повышения квалификации и переподготовки переводчиков Московского государственного лингвистического университета (в том числе в течение двух лет по специальной программе подготовки переводчиков-синхронистов). С конца 1990-х занимается письменным переводом буддийских текстов, а также устным переводом учений буддийских учителей (преимущественно традиции гелуг).

С начала 2000-х осуществляет синхронный перевод учений Его Святейшества Далай-ламы XIV.

Среди опубликованных переводов: Шантидева. Путь бодхисаттвы (Бодхичарья-аватара); Далай-лама. Вспышка молнии во мраке ночи. Краткий комментарий к «Бодхичарья-аватаре» Шантидевы; Далай-лама. Преобразование ума. Комментарий к «Восьми строфам о преобразовании ума» геше Лангри Тангпы; Далай-лама. Ступени созерцания. Комментарий к трактату Камалашилы «Бхаванакрама»; Далай-лама. Совершенная мудрость. Комментарий к девятой главе «Бодхичарья-аватары» Шантидевы и другие работы.

Редактор издаваемой фондом «Сохраним Тибет» книжной серии «Наланда», основу которой составляют труды индийских и тибетских ученых-

философов, рекомендованные к публикации Его Святейшеством Далай-ламой.

Редактор популярного новостного портала www.savetibet.ru, созданного в 2005 г. для предоставления информации о современной ситуации в Тибете, жизни тибетского сообщества в эмиграции, развитии тибетского буддизма в России и зарубежных странах.

Подробнее о серии «Наланда» и деятельности фонда «Сохраним Тибет» см. на сайте: www.savetibet.ru.

Загуменнов Борис Иванович
zagumyonnov.b@yandex.ru

Кандидат философских наук (СПб.). Родился в 1947 г. в Порт-Артуре. Окончил философский факультет и аспирантуру в ЛГУ во второй половине XX в. В 1965 г., возвращаясь из Средней Азии, случайно обнаружил журнал «Индия» в киоске во время пятиминутной остановки поезда в Казахстане. С тех пор стал читать Вивекананду и др.; обнаружил в книжном магазине в Тамбове «Дхаммападу» (изд. 1960 г.). Эти тексты произвели огромное впечатление и пробудили живой интерес к «индийской духовности». Изучал немецкий, английский, основы санскрита и тибетского. Переводил и редактировал индуистскую и буддийскую классику: Йога-сутры, «Веданта-сару» Шри Садананды, Гимны Шанкары, Нагарджуну, Гамбопу и др. Через десятки лет переводов и редактирования осознал, что изъяны в переводах небесконечны; выявились типичные ошибки, а также основные принципы перевода восточных текстов. Все это изложил в виде статей, опубликованных на бумаге и в интернете, – см. сайт zagumyonnov.16mb.com (раздел «О переводе») или просто: «Виртуальные заметки» Загуменнова. Там же – переводы и многое другое.

Публикации:

Статьи и переводы в журнале «Буддизм России» (ред. А. Терентьев). Шри Патанджали. Йога-сутры. Пер. с санскр. В журнале «Ступени» (1990–1991). Садананда. ВЕДАНТА-САРА. Сущность веданты. Пер. с санскр. В книге: Свет Дхармы. СПб., 2013.

Ачарья Атиша. Драгоценные четки бодхисаттвы. Пер. с тиб. СПб., 1995.

Ачарья Нагарджуна. Послание к другу. Пер. с тиб. СПб., 1995.

Дже Гампоба. Драгоценные четки для Высшего Пути. Пер. с тиб. СПб., 2003.

Статьи в сборниках «Буддизм Ваджраяны в России». М., 2009–2018.

Статьи в сборниках «Торчиновские чтения». СПб., 2004–2011.

Статьи в сборниках: Studia Culturae. СПб., 2012–2018.

Иноземцева Наталья Геннадьевна

nataego@gmail.com

Заместитель директора фонда «Сохраним Тибет». Образование высшее (инженер-криофизик, МЭИ, 1993 г.). В 1995 г. окончила полный курс по практике и переводу французского языка на вечернем факультете совершенствования языковой подготовки дипломированных специалистов в МГЛУ МИПК. В 1996–1997 гг. обучалась на дневном факультете повышения квалификации и переподготовки переводчиков МГЛУ (английский язык).

Опубликованные переводы: Р. Турман. Зачем нам Далай-лама?; Далай-лама. Ум ясного света. Комментарий к молитве «Герой, спасающий от страха» Первого Панчен-ламы; Далай-лама. Больше, чем религия. Этика для всего мира. Редактор издаваемой фондом «Сохраним Тибет» книжной серии «Буддизм и наука», редактор официального русскоязычного сайта Его Святейшества Далай-ламы www.dalailama.ru.

Кожевникова Маргарита Николаевна

margaritakozh@yandex.ru

Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник СПб ИУО РАО. Окончила Новосибирский государственный университет, гуманитарный факультет, специализировалась на литературоведении, японистике. Тибетский язык изучала самостоятельно с 1986 г. и в 1989–1990 гг. в Дхарамсале, Индии (Library of Tibetan works and archives, Tshannid Labdra).

С 1990 г. публикует переводы с английского и тибетского языков текстов по буддизму и переводит лекции буддийских учителей, преимущественно в тибетской традиции школы гелуг (с 2003 г. постоянный переводчик дост. геше Джампы Дакпы). С 1992 по 2007 г. возглавляла Общество друзей Тибета СПб. С 1993 по 2013 г. была научным сотрудником СПбФ ИИЕТ РАН, Группы истории исследований Центральной Азии, активно участвовала в создании и деятельности академического мемориального Музея-квартиры путешественника П. К. Козлова, проводила исследования по истории изучения Тибета и российской буддологии (школы ак. Ф. И. Щербатского). Публиковала статьи по тибетологии, буддологии, буддийской философии.

Проводила независимое исследование по буддийской философии образования в статусе соискателя на философском факультете СПбГУ (2005–2008), где в 2008 г. защитила кандидатскую диссертацию по теме «Философия образования в буддийской традиции».

С 2003 по 2011 г. директор буддийского центра Арьядевы, ФПМТ (Международного фонда поддержания Махаянской традиции – Foundation of preservation of Mahayana tradition). С 2013 г. сертифицированный учитель ФПМТ (FPMT registered teacher).

Автор шести книг и десятков статей по буддизму.

С 2012 г. занимается исследованиями в сфере современной проблематики философии образования, работает ведущим научным сотрудником в Российской академии образования (в 2012–2016 гг. – в ИПООВ РАО, с 2016 г. – в ИУО РАО).

Корнеев Геннадий Батыревич

Директор БУ РК «Центр по развитию калмыцкого языка», ведущий эксперт Центрального духовного управления буддистов России. Родился 24 февраля 1988 г. в п. Октябрьский Яшалтинского района Республики Калмыкия. Магистр филологии. Знание языков: калмыцкий, русский, монгольский, ойратский, тибетский письменный.

Список опубликованных работ

1. Эдр болһн умшх маань (Молитвы для чтения на каждый день). Перевод с ойратского и тибетского на современный калмыцкий язык Г. Корнеева. На калм. яз. Изд. 2007. <http://savetibet.ru/2010/03/15/kalmykia.html>
2. Эдр болһна бүтэлин хураңу. Сборник для ежедневных практик. Переложение с тодо бичик (Ясного письма), редакция, комментарии, перевод с тибетского Г. Б. Корнеева. Изд. 2012. <https://vesti-kalmykia.ru/news/v-eliste-izdana-kniga-buddijskih-molitv-na-kalmyckom-yazyke>
3. Йөрэлин хан. Царь благих пожеланий. Сборник буддийских молитв. Составление, перевод, комментарии Г. Б. Корнеева. Изд. 2015 г. https://vk.com/bilgin_dala?w=wall-69812053_722
4. Свет Будды на Волге. О калмыцких ламах. Сборник легенд. Сост. Г. Б. Корнеев. Изд. 2015. https://vk.com/bilgin_dala?w=wall-69812053_722
5. Хутгт Владимир нойна тууж. Житие святого равноапостольного князя Владимира на калмыцком языке. Пер. со старокалмыцкого на русский язык Г. Б. Корнеева. <http://www.patriarchia.ru/db/text/4016927.html>
6. Нээхмшг үүл һарһгч хутгт богд Николаин эврэ бээдлин учрта тууж оршв. Перевод со старокалмыцкого на русский язык Г. Б. Корнеева. Изд. 2016 г. <http://eparhia.patriarchia.ru/db/text/4712323.html>

7. Федотов А. Николушка. Пер. на калм. яз. Г. Б. Корнеева. <https://blagovest-elista.ru/2016/09/13/povest-nikolushkafedotov-a-a/>
8. Иеромонах Чепель. Килнцтэ модн. (Греховное дерево) Пер. на калм. яз. Г. Б. Корнеева. Электронное издание. <https://blagovest-elista.ru/2016/09/13/vyshli-v-svet-kalmyckie-perevody-sovremennoj-xristianskoj-prozy/>
9. Чже Цонкапа. Мөрин үйин утх хурасн. Краткий смысл стадий пути к пробуждению. Перевод с тибетского на калмыцкий язык Г. Корнеева. Изд. 2019 г. https://www.youtube.com/watch?v=znE_2DNXu7w
10. Одр болһна буйн-кишгин зальврл. Ежедневные молитвы для добродетели и счастья. Издательство Центрального хурула Калмыкии. 2020. Пер. с тиб. на калм.
11. Малын банзргч оршв. Издательство Центрального хуула Калмыкии. 2020. Пер. с тиб. на калм.
12. «Хуранһу ивэл, зальврл тергүтн оршв». Работы калмыцкого монаха Санджи-Ракбы Менькова. Перелож. с тодо бичик, пер. на русский, глоссарий, комментарии Г. Корнеева. Ред. Б. Л. Митруев. Серия «Наследие калмыцких гелонгов». Изд. Центрального хурула. 2020.

Коробов Владимир Борисович
vladimir.korobov@fsf.vu.lt

Образование: высшее (МГУ, философский факультет).
Звание: доктор философии (PhD, философия), доцент.
Язык: тибетский.
Место работы: преподаватель Института восточных и транскультурных исследований при философском факультете Вильнюсского университета.

Список последних публикаций:

Affiliation: bodhisattva gotra (Short Notes on Gotra Theory in Yogācāra Buddhism). Acta Orientalia Vilnensia, Vol. 6, No. 2 (2005), pp. 36–44.

Mimesis: Some reflections on bodhicitta verses in the second chapter of Guhyasamājantra // Acta Orientalia Vilnensia, Vol. 11, No. 1 (2012), pp. 125–145.

Marginal Notes on the Second Chapter of Guhyasamājantra. Zograf collection of articles, St. Petersburg: Russian Academy of Sciences, 2013, pp. 120–132 (in Russian).

Introduction: Towards the understanding of the role of cognition in Indo-Tibetan Buddhism. Acta Orientalia Vilnensia, Vol. 11, No. 1 (2010), pp. 7–11.

Buddhist Philosophy. Encyclopedia. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011,

entries on «Panca marga – dasha-bhumi» (pp. 523–525), «Catvariaryasatyani» (pp. 780–784), «Kagyū» (pp. 344–346), «gShenstong – Rangstong» (pp. 802–804), «Prajna – Upaya» (pp. 531–532), «Yogacara» (pp. 334–343), «Mahamudra» (pp. 443–445).

Description of the Environs. Investigations in the field of Yogacara Epistemology – Mitrasampradānam. A collection of papers in honour of Yaroslav Vassilkov. Saint Petersburg 2018, pp. 447–458 (in Russian).

Some Notes on Strategy of Signification in Abhidharmasamuccay by Asanga (in print)

Переводы:

Chapters 1 and 2 of the Prajñāpāramitāratnaguṇasaṅcayagathā (‘Phags pa shes rab kyi rol tu phyin pa yon tan rin po che sdud pa tshigs su bcaḍ pa). Translation from Tibetan into Russian. Buddhism of Russia (St. Petersburg), Vol. 31, pp. 2–9.

Chapter 5 of the Bodhisattvacharyavatara (Byang chub sems dpa’i spyod pa la jug pa) by Acharya Shantideva. Translation from Tibetan into Russian. Nartang Bulletin (St. Petersburg), 1994, pp. 19–27.

Ācārya Kamalaśīla. Bodhicittabhāvanā (byang chub kyi sems bsgom pa).

Translation from Tibetan into English. Acta Orientalia Vilnensia, Vol. 11, no. 1, pp. 138–145.

Asanga. Abhidharmasamuccaya and Abhidharmasamuccayabhāṣya (in process of edition)

В настоящее время продолжает работу над Абхидхармасамуччай и Абхидхармасамуччая-вьякхьей. Поскольку эта работа требует обращения к некоторым тибетским комментариям, также читает и переводит отдельные фрагменты из работы Горампы:

Kun mkhyen Go rams pa bSod nams seng ge. *Phung khams skyed mched kyi rnam gzhas ji snyed shes bya’i sgo ‘byed*

Кроме того, обращается к двум обширным комментариям на Абхидхармасамуччаю. Это комментарий Сазанг Джамьянг Лодоя (*Sa bzang ‘jam dbyangs blo gros*) и комментарий Пангло Лодой Танпы (*dPangs lo blo gros btan pa*).

Крапивина Раиса Николаевна

krapivina_raisa@mail.ru

Родилась в 1947 г. в Улан-Удэ. Специалист по истории, религии и культуре Монголии и Тибета. В 1970 г. окончила Белорусский

государственный университет (Минск). Ассистент преподавателя на кафедре философии Технологического института г. Улан-Удэ (1970), науч. сотр. по истории буддизма в России в БИОН БФ СО АН СССР (1972–1980). С 1980 г. работает в Отделе Дальнего Востока ЛО ИВ АН СССР / ИВР РАН, в наст. время ст. н. с. В 1991–1993 гг. прошла курс обучения в Колледже гималайских языков при Тибетском ун-те (Катманду, Непал) и получила сертификат по разговорному тиб. яз.; в 1993–2006 гг. постоянный переводчик с устного тиб. яз. Чжамьян Кенцэ, читавшего курсы лекций по различным темам буддийской философии в Санкт-Петербурге. Канд. ист. наук (1983), тема диссертации «Трактат Сонам Цзэмо „Дверь, ведущая в Учение” (XII в.) и его культурно-историческое значение».

Преподавательская деятельность: преподаватель разговорного и классического тиб. яз. и литературы на кафедре монг. филологии вост. фак-та СПбГУ (1995–2002); преподаватель тиб. яз. в РГГУ (2006–2007).

Первоначально научный интерес Крапивиной лежал в области изучения истории и специфики учения тиб. школы сакья, что отразилось в ряде публикаций, главными из которых являются перевод и исследование глав, посвященных школе сакья, в историч. сочинениях Пятого Далай-ламы (1992) и Туган Лопсан-Чоккьи-Ньимы (1995), а также перевод и исследование трактата одного из пяти великих сакьяских иерархов Соднам-Цзэмо (1994).

Уникальный опыт многолетнего сотрудничества с высокообразованным представителем университетской системы тиб. школы гэлук (Чжамьян Кенцэ получил высшую степень лхарампа в прославленном Гоманг-дацане монастыря Дрэпунг еще до «мирного освобождения» Тибета) отразился в серии фундаментальных публикаций, предпринятых Крапивиной с 2005 г., когда вышел ее перевод курса лекций тиб. наставника по предмету буддийской теории познания (тиб. лорик). За этой работой последовало четырехтомное издание перевода пространного курса лекций по сочинению «Абхисамаяланкара» («Украшение из постижений» в переводе Крапивиной), являющегося основным текстом по предмету праджняпарамита в тиб. буддизме (2010, 2012, 2014, 2015). Данное издание содержит самую полную на рус. яз. характеристику таких фундаментальных понятий, как три тела Будды, типы бодхичитты, три типа святых (шраваки, пратьекабудды и бодхисаттвы) и т.д. Переводы лекций снабжены исследовательскими статьями и тиб. текстами рассматриваемых сочинений. Одним из следствий преподавательской работы Крапивиной и ее стремления к популяризации тиб. яз. и культуры стало издание сборника тиб. народных сказок с

параллельными тиб. и рус. текстами, оригинальными тиб. иллюстрациями и глоссариями (2001; 2 изд.: 2005, только рус. текст).

Основные работы:

Из «Истории Тибета» Пятого Далай-ламы / Пер. с тиб. Р. Н. Крапивиной) // Буддизм в переводах. Вып. 1. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 153–174.

Соднам-Цзэмо. Дверь, ведущая в учение / Факсимиле текста, пер. с тиб., послесл. и коммент. Р. Н. Крапивиной. СПб.: Дацан Гунзэчойнэй, 1994;

Туган Лопсан-Чойкьи-Ньима. Хрустальное зеркало философских систем.

Глава Сакьяпа / Факсимиле текста; пер. с тиб., предисл., введ. и коммент. Р. Н. Крапивиной. СПб.: Дацан Гунзэчойнэй, 1995.

Сокровище дракона. Старинные тибетские сказки / Сост. на тиб. яз. Ачарья Рингу Тулку; пер. с тиб., публ. текста Р. Н. Крапивиной. М.: Лосар, 2001; 2 изд.: СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

Ум и знание. Традиция изучения теории познания в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун / Авт.-сост., пер. с тиб. Р. Н. Крапивина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

Украшение из постижений (I–III главы): Изучение пути махаяны в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун / Пер. с тиб., предисл., введ. и коммент. Р. Н. Крапивиной. СПб.: Наука, 2010.

Украшение из постижений (IV глава): Изучение пути махаяны в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун / Публ. текста (факсимиле), пер. с тиб., предисл., введ., коммент. Р. Н. Крапивиной. СПб.: Нестор-История, 2012.

Украшение из постижений (V, VI, VII главы): Изучение пути махаяны в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун / Пер. с тиб., предисл., введ., коммент. Р. Н. Крапивиной. СПб.: Нестор-История, 2014.

Украшение из постижений (VIII глава): Изучение пути махаяны в Гоман-дацане тибетского монастыря Дрэпун / Пер. с тиб., предисл., введ., коммент. Р. Н. Крапивиной. СПб.: Бранко, 2015.

Куваев Сергей Юрьевич

kuvaev_su@mail.ru

Родился в 1985 г. Первые переводы буддийских текстов и поэтические переложения начал делать в старшей школе. Принял прибежище в 2005 г. В 2008 г. окончил исторический факультет Уральского государственного университета (бакалавр) с дипломной работой «Семантические контексты российского буддизма». В настоящее время периодически участвует в буддологических конференциях, читает публичные лекции по истории буддизма в России. В 2006–2009 гг. выполнял переводы и редактуру текстов

садхан для буддийской общины «Шедруб Линг». С 2011 г. ведет блог «Уртон», посвященный монгольской культуре (а по преимуществу – монгольскому буддизму). Переводит с английского и монгольского; с английского в т. ч. источники по истории буддизма в XIX– начале XX в.; с монгольского – дидактическую литературу и религиозную поэзию XIX в. С 2015 г. координатор учебной группы ФПМТ «Лама Цонкапа», сотрудничает в области переводов с московским центром «Ганден Тендар Линг» (в 2018 г. опубликован сборник переводов «Покаяние перед 35 буддами»).

Кучин Илья Львович

ilku2007@mail.ru

Образование среднее техническое. Переводит с тибетского. Печатавать работы не стремится (печатаются сборники малыми тиражами по запросам интересующихся), публикуется в интернете.

Основные работы:

– Ра Сонам Вангьял. «Лучи солнечного света собрания [тем] коренных текстов» (bsdus gzhung nyi ma'i od zer).

– Сэ Нгаванг Таши. «Ожерелье знатоков, исполняющее все чаяния счастливицев».

– Кунчен Жамьян Шадба. «Золотое ожерелье прекрасных Учений, проясняющих некоторые наставления [относительно] ведания ума (ума и ведания)».

– Кунчен Чжамьян Шепа. «Превосходное объяснение толкования восьми предметов [и] семидесяти смыслов, называемое изречением уст непобедимого Учителя [Майтрейи], украшающее шею обладателей ясного ума» (сокращенно «Семьдесят смыслов», «Дон дун чу»).

– Йонзин Пуржог Чамба Гьяцо. «Изложение "Собрания [учебных] тем", раскрывающее смысл трактатов по [теории] верного познания, называемое "Чудесный ключ для пути доказательств"».

– Кедруб Чже. «Трактат, полностью разъясняющий истинную суть глубокой пустоты, под названием "Открывающий глаза счастливицев"».

– Тибетско-русский словарь буддийских терминов с санскритскими параллелями, с признаками (определениями) и подразделениями.

– Цонкапа Лосанг Драгпа. «"Правильно изложенная суть" – [трактат], открывающий установленный и подлежащий установлению смыслы [слов Будды] (Легшед нинпо)».

– Нагарджуна. «Муламадхьямакарика».

В настоящее время работает над переводом с тибетского языка (с привлечением английского перевода) произведения Кунчена Чжамьяна Шепы «Обширное объяснение философских систем (Думта ченмо)».

Менкенова Кермен Владимировна

k.menkenova@yandex.ru

Исследователь фольклора, филолог-преподаватель, переводчик с тибетского языка. Окончила Калмыцкий государственный университет по специальности «калмыцкий язык и литература».

Основное место работы: Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (г. Элиста), старший преподаватель кафедры иностранных языков, межкультурной коммуникации и регионоведения.

Обучалась в филиале Международного буддийского института Кармапы (г. Элиста), в Институте тибетской медицины и астрологии (г. Дхарамсала, Индия, 2002–2003 гг.), проходила языковую и научно-исследовательскую стажировку в Библиотеке тибетских трудов и архивов в Дхарамсале (Индия, 2013 г., 2015 г.).

Языки: тибетский, калмыцкий, английский, монгольский (разговорный).

Автор учебно-методических разработок и учебных пособий по тибетскому языку, статей по фольклористике, буддизму и тибетскому языку.

Сотрудничает с буддийскими центрами Республики Калмыкия, Краснодарского края, Волгоградской области, Астраханской области.

Основные опубликованные работы (по тибетскому языку):

- Учебное пособие «Таинственный мир тибетского языка» для студентов напр. «Филология» (калмыцкий язык и литература, иностранный (восточный) язык).
- Учебно-методическая разработка «Неправильные глаголы тибетского языка» для студентов напр. «Филология» (калмыцкий язык и литература, иностранный (восточный) язык).
- Учебно-методическая разработка «Практический курс разговорного тибетского языка. Часть 1» для студентов напр. «Филология» (калмыцкий язык и литература, иностранный (восточный) язык).
- Учебно-методическая разработка «Практический курс разговорного тибетского языка. Часть 2» для студентов напр. «Филология» (калмыцкий язык и литература, иностранный (восточный) язык).
- «Тибетская йога».

Меньшикова Анна Андреевна

menanna1366@yandex.ru

Аспирант кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета.

Является профессиональным переводчиком с английского и французского языков, как письменно, так и устно.

Переводит с древних языков.

В настоящее время занимается исследованием философских и религиозных систем Востока, сопоставлением семантического поля, составляет методические пособия для студентов, изучающих философию и религию.

Мирзаева Саглара Викторовна

kundgabo@list.ru

Выполняет письменные переводы с монгольского, тибетского, санскрита, китайского (базового), английского и немецкого.

Перечень опубликованных работ

1. Монгольская рукопись «Царя молитв-устремлений о благом пути» («Бхадрачарья») из тувинского архива // Новые исследования Тувы. № 4. 2018. С. 187–202.
2. «Бхадрачарья» как памятник тибето-монгольской буддийской литературы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 414 с.
3. Ойратская рукопись сутры «Собрание благоприятствования» (ойр. *Ölzöi dabxurlaqsan*) из тувинского архива [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/885> (дата обращения: 03.12.2019).
4. Ойратская рукопись «Хридая-дхарани Матерей» (ойр. *ekeyin zürken tarni orošiboï*) из фонда Национального музея Тувы [электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/884> (дата обращения: 03.12.2019).
5. Монгольский перевод «Сутры о восьми светоносных» как образец дхарани-сутр // Новый филологический вестник. 2019. № 4. С. 409–425.
6. Тибетская версия «Сутры о восьми светоносных» («Сутры о восьми проявлениях») из Научного архива КалмНЦ РАН // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. Вып. 3. С. 188–213.
7. Два ойратских списка «Сутры, отвращающей влияние плохих снов» // *Oriental Studies*. 2020. № 1. С. 133–149.

Ойратский сборник примет «*Burхан багšiуin ном хара šidi orošiboi*» как образец буддийской обрядовой литературы // Монголоведение. 2020. № 1. С. 37–54.

Рабочие проекты в настоящее время:

1. Тема НИР «“Сутра о восьми светоносных” (“Найман гэгээн”): монгольские и ойратские версии» в рамках проекта «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

2. Грант № 20-012-00287 «Инеднты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова» при финансовой поддержке РФФИ.

3. Грант № 20-512-93002 «Памятники “ясного письма” как культурное наследие России и Китая» при финансовой поддержке РФФИ.

4. Мегагрант Правительства РФ «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное интердисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира».

Митруев Бембя Леонидович

bemitrouev@yahoo.com

Обучался в 1995–2003 гг. в Центральном институте высших тибетских исследований в Сарнатхе, Варанаси, Индия. Получил там степень магистра искусств (М. А.).

В 2009–2013 гг. учился на восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета, Россия. Получил степень магистра по программе «Востоковедение и африканистика». В настоящее время научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН (Элиста). Сотрудничает с фондом «Сохраним Тибет» (научный редактор).

Омакаева Эллага Уляевна

elomakaeva@mail.ru

Кандидат филологических наук (1990), доцент (2007).

Образование: в 1982 г. окончила с отличием восточный факультет Ленинградского государственного университета по специальности «восточные языки и литература», квалификация «востоковед-филолог» (тибето-монгольская филология).

Основные научные интересы: история и современное состояние тибетского и монгольских языков (монгольский, ойратский, калмыцкий); письменность и старописьменные памятники, фольклор и этнология; буддология, историко-культурное наследие, традиционная культура; ономастика; краеведение.

Научно-педагогическая деятельность

В 1982–1993 гг. – м.н.с., затем с.н.с. отдела монголоведения КИГИ РАН.

В 1994–2000 гг. – зав. отделом монголоведения КИГИ РАН.

В 1994–2008 гг. – гл. редактор буддийского журнала «Шамбала».

В 2000–2007 гг. – заместитель директора по научной работе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (КИГИ РАН).

В 2008–2015 гг. – зав. отделом языкознания КИГИ РАН.

В 2003–2011 гг. – доцент кафедры методики преподавания калмыцкого языка и литературы.

В 2016 г. – уч. секретарь КалмНЦ РАН, с.н.с. научного отдела КалмГУ.

С 2017 г. по настоящее время – доцент кафедры РКИОД КалмГУ, эксперт БУ РК «Центр по развитию калмыцкого языка».

Публикации: свыше 450 научных трудов, в т. ч. монографии (2 индивидуальные и 8 коллективных).

Языки: калмыцкий, монгольский, тибетский, русский, английский, немецкий.

Другие навыки: MS Office (Word, Excel), Power Point, Internet Explorer.

Участие в научных советах, комиссиях, редколлегиях: ответственный редактор ряда научных трудов, главный редактор журнала «Шамбала» (с 1994 г.), член редколлегии сборников научных трудов и материалов конференций, зам. гл. редактора рецензируемого журнала ВАК РФ «Вестник КИГИ РАН» (2011–2014), член редколлегии рецензируемого журнала ВАК РФ «Вестник КИГИ РАН» (2015–2016), член Общественного совета по развитию калмыцкого языка при главе Республики Калмыкия и т. д.

Профессиональное членство: член ряда научных обществ, в т. ч. зарубежных: Международной ассоциации монголоведов (Монголия), тибетологов (Нидерланды), Урало-Алтайского научного общества (PIAS) и др.

Образовательная и экспертная деятельность: с 2000 г. вела аспирантуру в КИГИ РАН. Под руководством Омакаевой Э.У. защищено 5 кандидатских диссертаций.

Награды:

- Почетный работник общего образования России (2004).
- Медаль Академии наук Монголии «Хубилай» (2006).

- Медаль «800 лет Великого монгольского государства» (2006).
- Медаль «Багшийн Алдар» (2006).
- Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия (2009).

Публикации буддийских текстов в переложении с ойратской письменности на калмыцкий язык, в переводе с английского и в русском переводе:

1. Омакаева Э. У. Гимн 21 Таре. Переложение с ойратского на современный калмыцкий язык и перевод на русский / Калмыцкая астрология. Молитвы (Хальмг зурха. Мөргүл). Элиста, АПП «Джангар», 1995. 176 с.
2. Омакаева Э. У. Субхашита – драгоценность изящных изречений «Субхашиты» / Шамбала. 1994. № 2 (в соавторстве с Куюкиновым С. Б.).
3. Субхашита: вторая глава // Шамбала. 1995. № 3–4 (в соавторстве с Куюкиновым С. Б.).
4. Омакаева Э. У. Бодхисаттва Авалокитешвара: калмыцкая молитва «Арьябала» // Шамбала. 1994. № 2. С. 2–3.
5. Омакаева Э. У. Принц, который превратился в кукушку. Перевод с английского // Шамбала. 1997. № 5–6.
6. Омакаева Э. У. Буддийские наставления. Перевод на калмыцкий // Шамбала. 1997. № 5–6 (в соавторстве с Манжелеевой Р. Ц.).

Пучко Юрий Семенович
akanishtha@gmail.com

В 1996 г. окончил Военно-инженерную ордена Ленина, Краснознамённую академию имени В. В. Куйбышева по специальности «инженер-механик-исследователь».

В 2007 г. окончил трёхмесячный курс тибетского языка базового уровня в Библиотеке тибетских трудов и архивов (англ. Library of Tibetan Works and Archives, тиб. བོད་ཀྱི་དཔེ་མཛོད་ཁང་།), Дхарамсала, Индия. Там же окончил курсы тибетского письменного и разговорного языков среднего уровня в 2013 г.

В 2014 г. окончил шестимесячные курсы изучения разговорного тибетского языка методом погружения в языковую среду (immersion course) в негосударственном учебном центре Исукхия (англ. Esukhia), Дхарамсала, Индия.

В 2016 г. окончил двухлетние курсы тибетского языка в Колледже высшей тибетологии (англ. College for Higher Tibetan Studies, тиб. བོད་ཀྱི་མཐོ་རིམ་སློབ་གཉེན་ཁང་།), Сара, Индия.

В 2016–2019 гг. изучал курсы Общих положений буддийской науки (тиб. བསྐྱུས་གྲུབ་རྣམ་གཞག།), логики (тиб. ཏུགས་རིགས་ཀྱི་རྣམ་གཞག།) и гносеологии (тиб. རྫོག་རིགས་ཀྱི་རྣམ་གཞག།) в подразделении Института буддийской диалектики (англ. Institute of Buddhist Dialectics, тиб. རིགས་ལམ་སློབ་གཉེན་ཁང་།), расположенном на базе Колледжа высшей тибетологии (англ. College for Higher Tibetan Studies, тиб. བོད་ཀྱི་མཐོ་རིམ་སློབ་གཉེན་ཁང་།), Сара, Индия.

С 2019 г. слушатель курса Парчин (тиб. ཕར་ཕྱིན།) Института буддийской диалектики (англ. Institute of Buddhist Dialectics, тиб. རིགས་ལམ་སློབ་གཉེན་ཁང་།), Дхарамсала, Индия, по программе монастырского университета Дрепун Лоселин (англ. Drepung Loseling Monastic University, тиб. འབྲས་སྐྱུངས་སློབ་གསལ་སློབ་ཤིང་གྲྭ་ཚང་།).

Владеет устным и письменным переводами с тибетского и английского языков. Выполнял переводы для фонда «Сохраним Тибет». Автор ряда статей по тибетской культуре, написанных на основе тибетских источников и опубликованных на сайте фонда «Сохраним Тибет».

Терентьев Андрей Анатольевич
narthang@gmail.com

Окончил в 1975 г. философский факультет Ленинградского университета, где изучал историю индийской философии, санскрит и тибетский язык. Работал 13 лет в Музее истории религии и атеизма в качестве буддолога. С 1983 г. – кандидат исторических наук. При этом с 1978 г. начал не только изучать, но и практиковать учение Будды. С 1988 по 1991 г. докторант Института востоковедения АН СССР.

В 1990–1991 гг. жил в Индии, продолжая свое буддийское образование у тибетских лам. Вернувшись, основал первое в РФ буддийское издательство «Нартанг» для издания буддийских книг на русском языке. В 1990-е гг. был личным переводчиком Его Святейшества Далай-ламы во время всех его визитов в Россию, а впоследствии также в Латвию и Литву.

В 1991 и 1994 гг. был приглашенным сотрудником Абердинского университета в Шотландии, впоследствии приглашался для чтения лекций в различные страны Европы, Азии, а также в США. В 1994–1995 гг. читал ряд курсов по буддизму в Высшей религиозно-философской школе Санкт-Петербурга, в 2004 г. в Санкт-Петербургском университете. В 2005–2008 гг. был приглашенным профессором Центра буддологических исследований

Гонконгского университета, в 2007 г. преподавал в Международном буддийском колледже в Таиланде.

Является действительным членом Международной тибетологической ассоциации (IATS). Опубликовал более 200 статей и книг.

Тушинов Баир Луданович

nurushi@mail.ru

Родился в 1974 г. в г. Улан-Удэ. Работает в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, в лаборатории «Центр переводов с восточных языков».

Языки: старописьменный монгольский, тибетский.

Переводит письменно.

Опубликовано: Обнаженное руководство по этапам пути к Пробуждению — путь блаженства, ведущий к всеведению. Панчен-лама Первый Лобсанг Чокьи Гьялцен. Новосибирск: Дзе Цонкапа, 2013.

Проекты: недавно завершил перевод на русский комментария индийского пандиты Вималамитры к Манджушри намасангити: Светильник, ясно освещающий значение имен.

Тэло Тулку Ринпоче

rus.info@tibet.net

Тэло Тулку Ринпоче – почетный представитель Его Святейшества Далай-ламы в России, Монголии и странах СНГ, верховный лама (Шаджин-лама) Республики Калмыкия.

Тэло Тулку Ринпоче родился в семье калмыцких эмигрантов в США. В четырехлетнем возрасте заявил родителям о своем желании стать монахом, а в шесть лет по совету Далай-ламы был направлен на обучение в тибетский монастырь Дрепунг Гоманг в Индии. Он провел там 13 лет, изучая буддийскую философию под руководством выдающихся тибетских учителей. В конце 1980-х был признан новой реинкарнацией великого индийского святого Тилопы, который дважды воплощался во Внутренней Монголии и трижды в Монголии.

В 1992 г. Тэло Тулку Ринпоче был избран верховным ламой Калмыкии. За последние годы под его духовным руководством воздвигнуто свыше 30 буддийских храмов и молельных домов, в том числе главный храм Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни», признанный крупнейшим буддийским храмом в России и Европе. Храм является наиболее современным центром изучения буддийской философии, культуры и традиций.

Тэло Тулку Ринпоче прилагает большие усилия для укрепления религиозных и культурных связей, которые веками существовали между традиционными буддийскими регионами России и Его Святейшеством Далай-ламой XIV. Вместе с досточтимым Ело Ринпоче инициировал первые в истории масштабные учения Далай-ламы для буддистов России, которые практически ежегодно проводятся в Индии. В дальнейшем география учений Его Святейшества Далай-ламы для российских буддистов была расширена, и помимо Индии учения стали также проводиться и в Риге, Латвии.

Тэло Тулку Ринпоче способствует диалогу представителей буддизма и современной российской науки. При его непосредственном участии в 2017 и 2018 гг. в Индии состоялись две большие встречи российских ученых с Его Святейшеством Далай-ламой в рамках инициативы «Фундаментальное знание: диалоги российских и буддийских ученых».

Тэло Тулку Ринпоче – духовный руководитель фонда содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма «Сохраним Тибет» (Москва), выпускающего книжную серию «Наланда».

С 2014 г. занимает должность почетного представителя Его Святейшества Далай-ламы в России, Монголии и странах СНГ, базируется в Москве в Центре тибетской культуры и информации.